

На правах рукописи

АНДРЕЕВА Светлана Владимировна

**Элементарные конструктивно-синтаксические
единицы устной речи и их коммуникативный потенциал**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саратов 2005

Объектом нашего исследования является устная русская речь. **Предмет** исследования составляют конструктивно-синтаксические единицы дискурсов разного типа.

Цель работы – выявить наименьшие структурные единицы устного синтаксиса, исследовать их типологические свойства в аспекте системной организации, а также коммуникативно-функционального потенциала в разных типах устного дискурса. Данная цель определила следующие **задачи исследования**:

- 1) построить структурно-семантическую типологию изучаемых единиц на основе наборов их дифференциальных и интегральных признаков;
- 2) определить место конструктивно-синтаксических единиц в системе единиц речевой коммуникации и общую картину системно-структурного устройства континуума речевой коммуникации;
- 3) провести исследование системного взаимодействия этих единиц и закономерностей их функционирования в разных типах устного дискурса;
- 4) определить характеристики рассмотренных типов устного дискурса с точки зрения распределения в них речевых единиц (своеобразные “векторы” дискурсов).

Материалом исследования послужила устно продуцируемая речь. Магнитофонные и ручные записи производились автором в период с 1997 по 2005 гг.:

- разговорной речи,
- телевизионных ток-шоу “Культурная революция”, “Принцип домино”, “Что хочет женщина”,

- телеигры Саратовского телевидения “Маркиза”,
  - речи ведущих и радиослушателей радиостанций “Динамит FM”, “Русское радио”, “Авторadio”, “Максимум”, “Радио шансон”, “Европа плюс”, “Серебряный дождь”, “Love радио”, “Танго”,
  - вузовских лекций.
- ❖ Кроме того использовались расшифровки магнитофонных записей разговорной и научной речи, хранящихся на кафедре русского языка и речевой коммуникации Саратовского университета – Фонд СГУ (ФСГУ).
- ❖ Опубликованные материалы разговорной, публичной и научной речи:
- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001 (РРД);
  - Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999 (РМ);
  - Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978 (РРРТ);
- Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой Т. 4. Тексты. М., 1994 (СРУНР).

Общий объем материала составляет сто пятьдесят тысяч словоупотреблений.

Методы исследования. Использован описательный метод с элементами количественного анализа, анализа функционально-семантических различий синтаксических единиц, их дискурсивной роли.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выделены наименьшие структурные единицы синтаксиса устной речи, представлен их многоаспектный анализ на основе парадигматико-синтагматического подхода и определения их коммуникативно-

функционального потенциала. В диссертации разрабатывается типология синтаксических единиц устной русской речи на основе комплексного рассмотрения их языковой природы и речевых характеристик: пять основных единиц (типичная предикативная, структурно модифицированная предикативная, функционально-семантически модифицированная предикативная, предикативно-релятивная, релятивная) и три вспомогательных (дискурсив, диалогический повтор, звуковой жест). При этом учитывается предикативность/непредикативность единиц, их автосемантичность/синсемантичность, модусная и/или диктумная составляющая, соответствие/несоответствие грамматической модели предложения, фактуальная/коммуникативная информация, функциональная направленность. В результате анализа выстроена общая система единиц речевой коммуникации по трём зонам (коммуникативно-информативная, коммуникативно-регулятивная, дискурсивно-структурирующая) и двум пространствам их наложения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В континууме коммуникации выделяются три зоны речевых единиц: коммуникативно-информативная зона (передают фактуальную информацию), коммуникативно-регулятивная (передают коммуникативную информацию), дискурсивно-структурирующая (передают дискурсивную информацию). Кроме того, в континууме речевой коммуникации существует, хотя и стоит особняком и реализуется далеко не во всех типах устного дискурса, зона безусловно-рефлекторных проявлений (“докоммуникативных” знаков – сигналов психофизиологического и эмоционально-чувственного состояния говорящего). В результате взаимодействия выделенных зон образуются про-

странства их наложения. Комплекс зон имеет признаки полевой системности.

2. Каждый тип устного дискурса в зависимости от сферы и среды общения характеризуется своим соотношением информативного, регулятивного и дискурсивного векторов, определяющим соотношение в дискурсе речевых единиц, а соответственно – соотношение двух основных ареалов единиц речевой коммуникации (коммуникативно-номинативного и речеорганизующего).

3. Речевая коммуникация осуществляется не только конструктивно-синтаксическими единицами, являющимися каркасом синтаксиса речи, но и другими средствами: 1) диалогическими повторами и дискурсивами, которые не имеют самостоятельного значения в дискурсе, а только организуют его; 2) звуковыми жестами (“докоммуникативными” знаками), реализующимися в основном в разговорно-бытовом типе устного дискурса.

4. Наряду с многофункциональной типичной предикативной единицей, использующейся в большинстве зон речевой коммуникации, в языке–речи определенные функции формируют специализированные единицы зон (например, в дискурсивно-структурирующей зоне формируются дискурсивы и диалогические повторы дискурсивной направленности). Выявленные синкретичные единицы (например, дискурсив и диалогический повтор регулятивно-дискурсивной направленности) относятся к разным звеньям шкалы переходности (пространствам наложения зон речевой коммуникации), демонстри-

руют дискретно-континуальную природу языка–речи. Диффузность границ зон определяет и диффузность функций данных единиц.

5. В современной устной русской речи наблюдается активизация коммуникативных процессов: 1) функциональной конвенциализации типичных предикативных единиц, приводящей к угасанию в них информативной функции, 2) формирования коммуникативов как собственно речевого, так и языкового уровней.

Теоретическая значимость работы. Впервые сделана попытка представить полевою структуру зон и единиц устной коммуникации. Выделение на основе комплексного анализа структурных признаков и функционально-прагматического потенциала этих единиц позволяет по-новому квалифицировать многие факты реальной устной речи, выявить соотношение зон коммуникации и их единиц в виде своеобразных “векторов” коммуникации. Совокупность полученных результатов создает фундамент нового направления синтаксиса – изучения не отдельных синтаксических единиц, а всей реальной коммуникации как динамично меняющегося полевого устройства.

Практическая ценность диссертации состоит в возможности использования теоретических положений и материалов диссертации при чтении вузовских курсов “Современный русский язык. Синтаксис”, “Культура речи и стилистика”, спецкурсов по проблемам речевой коммуникации. Приведенный в работе материал может служить базой для разработки курсовых и дипломных работ.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 34 научные работы, в том числе монография “Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи” (12 п.л.),

три статьи в журналах из списка ВАК. Основные теоретические положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ, получили апробацию на научных конференциях международного и всероссийского уровней в Москве (I и II Международные конгрессы исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”, 2001, 2004; “Текст. Структура и семантика”, 1998, 2001, 2003; “Русский язык и славистика в наши дни”, 2004), Пензе (“Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе”, 1999), Ростове-на-Дону (“Филология на рубеже тысячелетий”, 2000; “Единицы языка: функционально-коммуникативный аспект”, 2002; “История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания”, 2003; “Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты”, 2004); Санкт-Петербурге (X конгресс МАПРЯЛ “Русское слово в мировой культуре”, 2003); Саратове (“Предложение и слово”, 1999, 2002, 2005; “Русский язык в контексте реформирования российского общества”, 2003); Таганроге (“Речь. Речевая деятельность. Текст”, 2000, 2002, 2004).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения, в котором представлены образцы текстов магнитофонных записей устной речи и списка использованной литературы. Текст работы включает 13 таблиц и 16 рисунков.

Основное содержание работы

В главе 1 “Теоретические основы исследования” обсуждается ряд общих вопросов, связанных с актуальными для темы диссертации проблемами: взаимоотношения языка–речи с мышлением и реальной

действительностью; разграничения понятий “предикация”, “пропозиция”, “предикативность”; соотношения предложения с логическим суждением; взаимодействия языковых средств выражения фактуальной и коммуникативной информации; дискуссионности теории специфических для устной речи коммуникативных единиц.

На основании изучения научной литературы и собственных наблюдений устной речи формируются теоретические положения работы и гипотезы, правомерность которых доказывается в последующих главах.

Первая часть использованного нами термина –конструктивно-синтаксические единицы (далее КСЕ) –“конструктивно-” свидетельствует о том, что в фокусе внимания находятся не общепринятые синтаксические единицы (синтаксема, словосочетание, простое предложение, сложное предложение и т.д.), а конструктивные элементы дискурса, функционирующие самостоятельно или в составе более сложных единиц. Данный термин позволяет охватить как предложенческие, так и непредложенческие, как предикативные, так и непредикативные речевые факты, в то время как термин “предикативная единица” исключает исследование непредложенческих единиц, термин “предложение” исключает исследование единиц не только непредложенческих, но и в составе сложного предложения, а термин “высказывание” связан только с коммуникативным уровнем синтаксиса.

Поскольку речевое и языковое существуют в органическом единстве, можно говорить о двуплановости этих единиц: в них происходит соединение (слияние) конструктивно-синтаксических (это элементы синтаксического уровня языка) и коммуникативно-функциональных (это компоненты коммуникативного уровня речи)

характеристик. Двуплановостью конструктивно-синтаксических единиц обусловлен предпринятый нами двусторонний подход к возможности их анализа: конструктивно-синтаксический (парадигматический) и синтагматический (с учетом контекстуальных и речевых факторов). Это дает возможность подойти к объекту исследования (устная русская речь) как к системе, определить взаимосвязь ее компонентов, выявить внутренние связи изучаемых единиц с инвариантной системой языка.

Для лингвистики рубежа веков характерно интенсивное развитие как синтаксиса языка, так и синтаксиса речи. Наблюдается выраженная тенденция перехода от исследования фрагментов системы языка к исследованию **двусущностного единства язык–речь**. Важнейшей становится проблема интеграции вычлененных учеными языковых единиц и уровней лингвистического анализа. В фокусе внимания современной лингвистики – система язык–речь как функционирующее устройство во взаимодействии всех его составляющих.

Коммуникативная единица в конкретном речевом акте синтезирует в себе языковое и речевое. В основе любого предложения-высказывания лежит диалектическое взаимодействие: одной стороной оно обращено к языку (синтаксическая форма), а другой – к речи (непосредственная реализация модели предложения). Конкретное высказывание выражает коммуникативный смысл, а предложение – тип мысли, лежащей в основе синтаксической семантики предложения. Синтаксические и коммуникативные значения взаимосвязаны подобно тому, как взаимосвязаны грамматическая модель и ее речевая реализация, что обуславливает разные подходы к изучению предложения и высказывания [ср. точки зрения: Бахтин 1975; Белошапкина 1977;

Звегинцев 1976; Золотова 1982; Крылова 1992; Русская грамматика 1980; Ширяев 1986; Юрченко 2000; Daneš 1964; Gardiner 1951 и др.].

Термин “предложение” в синтаксической науке не удалось закрепить за понятием “структурная схема”, этому препятствует многовековая научная традиция. Напротив, нередко термином “предложение” недифференцированно обозначают и структурную схему, и предложение-высказывание, и высказывание. Видимо, можно рассматривать этот термин как надтермин, объединяющий все аспектные термины, в спрессованном виде включающий все три уровня обобщения единицы языка–речи (абстрактное предложение → конкретное предложение, характеризующееся лексическим наполнением, частными возможностями реализации структурной схемы, элементами модальности → высказывание).

Проблема соотношения понятий “предложение” и “высказывание” не имеет общепринятого решения. Высказывание определяется через предложение, “привязанное” к конкретной речевой ситуации [Шмелёва 1998], с позиции теории речевых актов [Падучева 1985], как “предложение в аспекте его актуального членения” [Крылова, Максимов, Ширяев 1997; Сиротинина 1980] и т.д.

В диссертации под высказыванием понимается актуализированное в речи грамматически организованное предложение. Предложение как инвариантная “модально-предикативная конструкция”, как единица воспроизводимо-производимая реализуется в речевом акте в качестве высказывания – конкретного варианта, характеризующегося соответствующим коммуникативным заданием и актуальным членением.

В устно продуцируемой речи функционируют высказывания на основе структурированного предикативного предложения и речевые образования, не имеющие предложенческой структуры (*Да// Конечно// Да ты что!* и т.п.). Очевидно, что речевые образования, не имеющие статуса высказывания, тоже выполняют коммуникативную функцию.

До сих пор обсуждается вопрос, существует ли устная форма речи как какой-то единый объект. При рассмотрении устной речи как особой системы разрушается единство языка в целом (устная речь неразрывно связана с письменной речью), но в любом случае, на наш взгляд, правомерно говорить о системе устной речи, имеющей свою специфику.

Как представляется, имеются принципиальные отличия не только между письменной и устной формами речи, но и между устной спонтанной и устной продумываемой речью. В любой продуцируемой речи (устной и письменной) речевому акту может предшествовать речемыслительный процесс, в котором разрабатывается общий замысел высказывания. Считаем, что в соответствии с двойственной природой лингвистического объекта предложение соотносится со структурой мысли через деление на состав подлежащего и состав сказуемого, а высказывание – через его членение на тему и ремю.

В современном языкознании остается актуальной и дискуссионной проблема **предикации** и выражения **предикативности** [ср. мнения: Алефиренко 1999; Бахтин 1979; Виноградов 1975; Дегтярев 2002; Золотова 1972; Ильенко 1975; Манаенко 2002; Новоженова 2001; Норман 2001; Стеблин-Каменский 1975; Степанов 1975, 1990, 1997; Шведова 1971; Юрченко 2000 и др.]. В научной литературе наблюда-

ются случаи недостаточно четкого разграничения понятий “предикация” и “пропозиция”, “предикация” и “предикативность”, а акт предикирования приписывается как предложению (высказыванию), так и процессу мышления.

По нашему мнению, неразграничение предикации и предикативности обусловлено смешением логического уровня языкового мышления и грамматического уровня языка. Акт **предикирования** (соединение предмета и признака в логическом суждении) совершается в процессе мышления, а его результат мы наблюдаем в продукте речемыслительной деятельности человека – предложении как производимо-воспроизводимой единице. Предложение называет (обозначает) типовую денотативную ситуацию, в то время как высказывание сообщает о конкретной денотативной ситуации.

Категорией **предикативности** обладает реализованное в речи предложение-высказывание. В роли функциональных заместителей высказывания способны выступать и специфические коммуникативные единицы устной коммуникации, не обладающие предикативностью (*Вот тебе раз! То-то и оно! Ну-у!* и т.п.).

При обсуждении проблемы взаимодействия фактуальной и коммуникативной информации в речевой коммуникации приходим к выводу, что фатическое общение отличается не отсутствием информации как таковой [Malinowski 1972], а отсутствием предметно-фактической информации. Вслед за И.Н. Борисовой, полагаем, что фатической коммуникации нельзя отказать в “целеориентированности”, но цель ее лежит в сфере отношений коммуникантов и носит эмоционально-психологический, а не информационно-практический характер [Борисова 2001].

Нужно отметить, что мы не рассматриваем фатическое общение в качестве отдельного, особого жанра речи, как это делают, вслед за Б. Малиновским, например, Т.Г. Винокур, Н.И. Формановская, В.В. Дементьев, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова и др. В работах этих исследователей фатическое общение противопоставляется информативному как другой инвариант речевого поведения и определяется как самостоятельный речевой жанр, имеющий свои цели и особую организацию. На наш взгляд, обособлять фатическое общение от информативного нецелесообразно, так как фатические элементы “пронизывают” и информативное общение. Нас интересуют не жанры фатического общения, а конструктивно-синтаксические единицы, используемые говорящими в качестве фатических средств во время информативного общения для обеспечения его успешности.

Проблема разграничения информатики и фатики остается одной из наименее изученных областей речевой деятельности. В чисто практическом плане четко дифференцировать фатику и информатику в тексте очень трудно. Чаще всего они вступают в речи в сложное взаимодействие. Наличие информативного ядра не всегда обнаруживается и не всегда поддается идентификации как первичная коммуникативная интенция.

В современных лингвистических исследованиях разрабатывается идея о двух уровнях речевого общения: коммуникативно-информативном, основном, и коммуникативно-организующем, вспомогательном [Менг 1982; Пономарева 1991]. Представляется, что в рамках двухуровневой речевой коммуникации важно различать информативность в трех функциональных планах: 1) в пропозициональном (передача фактуальной информации), 2) в контакторегулирую-

щем плане (оформление этапов интеракции, осуществление “регулятивных стратегий” диалога и т.д.) и 3) в плане интерперсональных отношений собеседников.

Например, этикетные формулы *Пока!* и *До свидания!* характеризуются информативностью в двух функциональных планах: 1) в контакторегулирующем плане – оформляют заключительный этап речевой интеракции (завершение контакта) и 2) в плане интерперсональных отношений собеседников – указывают при этом на межличностные отношения говорящих. Подобные единицы не информативны в пропозициональном плане, поскольку не несут фактуальной информации. Они указывают на процесс развития речевого акта, оформляя этапы речевой интеракции (установление, продолжение и завершение контакта). Такие контактоподдерживающие единицы, представленные застывшими этикетными формулами и вводно-контактными элементами, оказываются обязательными практически в любом типе общения, но являются средствами не коммуникативно-информативного, а коммуникативно-организующего уровня.

Средства коммуникативно-организующего уровня могут быть связаны как со сферой сознательного, так и бессознательного. Вследствие выявления соотношения сферы сознательного и бессознательного в организации речевой деятельности возможно разграничение механизма автоматического регулирования речи и уровня осознанного контролирования речевого поведения коммуникантов. Коммуникация со стороны адресата предполагает не только декодирование семантики языковых знаков, но распознавание разнообразной коммуникативной информации. Единицы, несущие коммуникативную информацию, могут быть как непредложенческого, так и предложенческого

типа. Во втором случае речь идет о метатекстовых (*Сначала скажу о главном//*) и функционально-семантически модифицированных предложенческих единицах (Телеведущая: *Оставайтесь с нами!*). К нашим выводам близки теоретические положения О. Йокоямы о метаинформационном знании как одном из семи видов знания, совершенно необходимом для успешного осуществления информационного дискурса [Йокояма 2005]. Для нас важно утверждение исследовательницы о том, что средства передачи метаинформационного знания (знания кода и дискурсивной ситуации) вырабатываются в каждом языке, следовательно, это знание универсально для разных языковых систем.

Таким образом, мы выделяем два вида передаваемой в речевом общении информации: **фактуальную** (пропозициональный план) и **коммуникативную** (план интерперсональных отношений и контакторегулирующий). Считаем возможным рассматривать фатическую составляющую речи как разновидность коммуникативной информации.

Специфические коммуникативные единицы, выполняющие речерегулирующие функции, большинство ученых называют **коммуникативами** (А. *Ну будешь/ хочешь в команду?* – Б. *А то!*). Наряду с данным термином в лингвистической литературе встречается еще целый ряд терминов. Терминологическая пестрота в обозначении рассматриваемого речевого феномена отражает не только неопределенность его статуса и в связи с этим разные подходы ученых, но и диффузный характер единиц данного класса [ср. подходы: Валимова 1967; Викторова 1999; Гаврилова, Кожина 2002; Гастева 1993; Киприянов 1975; Колокольцева 2001; Курносова 1991; Меликян 1999;

Сиротинина 1974; Чхетиани 1987; Шаронов 1996 и др.]. В нашей работе используется термин “коммуникатив”.

Необходимо признать, что номинативно некоторые из коммуникативов вошли в лексическую систему языка (*Да; Нет; Ни за что* и т.п.). Но подавляющее большинство является только функциональными единицами регулятивной направленности. Проведенное нами исследование позволяет не только предположить, но и доказать, что принадлежащий сфере дискурсивной модальности непредикативный нечленимый коммуникатив представляет собой самостоятельную речевую единицу наряду с инвариантной единицей языка – предложением, обладающим семантической и формальной структурой, предназначенной для формирования и передачи диктумного, номинативного содержания.

Коммуникативно зависимая позиция в составе реплики-реакции не представляется нам ведущим признаком данного класса единиц. Основными критериями выделения коммуникативов считаем их речеорганизующие функции; выражение модусных, а не диктумных смыслов; зависимость от ситуации употребления; непредикативный характер. В соответствии с этими критериями в состав коммуникативов нами включаются разнообразные регуляторы общения: реплики-реакции, актуализаторы, хезитативы, формулы речевого этикета и даже обращения.

Диалогический повтор понимается как вторая реплика диалога, т.е. речевая реакция одного коммуниканта на высказывание другого (А. *Вы очень резкая!* – Б. *Резкая?! Это ж на-а-до...*). Такой повтор – широко распространенное речевое явление, обусловленное диалогическим видом общения, поскольку использование в речи слушающего

слов говорящего (“чужого материала”) является процессом естественным и практически неизбежным. Диалогические повторы играют роль метакоммуникативных сигналов слушающего, так как способны передавать широкий круг коммуникативных значений и намерений, каждое из которых прямо или косвенно указывает на отношение слушающего к реплике говорящего. Подобное речевое реагирование выступает как органичное свойство не только речевого общения, но и самого функционирования человеческого организма, его психики.

Несмотря на наличие нескольких классификаций диалогических повторов [Шведова 1960; Бырдина 1992; Арутюнова 1999; Андреева, Плотникова 2004 и др.], системного их описания в коммуникативно-функциональном плане на материале русской устной речи пока не было.

Считаем, что в отличие от языковых единиц, направленных на передачу фактуальной информации, коммуникатив и диалогический повтор несут в себе коммуникативную информацию, манифестирующую позицию говорящего и слушающего, их интенции и целеустановки. Нельзя не отметить, что изучение специфических коммуникативных единиц непредложенческого характера находится сейчас на таком этапе, когда почти все теоретические вопросы еще остро дискуссионны и требуют разработки, с нашей точки зрения, прежде всего в качестве коммуникативно-регулятивных средств, что и предпринято в диссертации.

Таким образом, высказывания, реализующие модели предложения, формируют коммуникативно-информативную зону речевого общения. Они широко представлены и в письменной, и в устной речи. Поскольку “синтаксис” языка внутренне связан с “грамматикой мыс-

ли”, отражает концептуальные свойства ментального действия [Колесов 2004], высказывания предложенческой структуры, передающие фактуальную информацию, изучены лингвистами и логиками в большей степени, тогда как непредложенческой – в меньшей степени.

В нашей работе представлено комплексное системное изучение конструктивно-синтаксических единиц устной речи как предложенческого, так и непредложенческого характера, согласно нашей гипотезе образующих два полюса полевой системы КСЕ.

Вторая глава “Основные единицы речевой коммуникации” включает два раздела. **В первом разделе** представлена типология конструктивно-синтаксических единиц, необходимость разработки которой обусловлена тем, что неоднозначные с точки зрения существующих классификаций речевые факты (не предложения и не коммуникативы в их привычном понимании) составляют в устной речи в зависимости от типа дискурса от 2,5 до 13%. “Неопознанные синтаксические объекты” (С.Г. Ильенко) устной речевой коммуникации свидетельствуют о недостаточности существующих классификаций, о необходимости их уточнения и более детальной разработки, что и входило в задачу нашего исследования.

На первом уровне классификации единицы устной речи делятся нами на два типа: единицы, имеющие синтаксическую форму предложения, и единицы непредложенческого типа. Проводится сопоставительный анализ и систематизация основных дифференциальных признаков речевых единиц предложенческого и непредложенческого типа в рамках трех аспектов анализа. В **структурно-семантическом** аспекте это такие дифференциальные признаки, как **синтаксическая членимость** единицы, **способность к распространению**, **наличие**

парадигм форм, реализация категории предикативности и наличие/отсутствие **структурно-семантической специфики** речевых единиц по отношению к языковому инварианту.

Предложенческие структуры предикативны, поскольку в них выражается соотнесенность “высказанного содержания” с реальной действительностью. Во всех этих случаях, когда категория предикативности реализуется в самой речевой единице посредством сегментных или суперсегментных средств выражения, считаем ее **эксплицитной**. Об **имплицитной** предикативности можно говорить тогда, когда речевая единица получает предикативный признак, “отраженный” от контекстного окружения: А. *Кефирчик выпьешь?* – Б. *Кефирчик с удовольствием*//. Предикативные характеристики, заданные контекстуально (вопросом А.), распространяются и на ответ Б. *Кефирчик с удовольствием*, представляющий собой неполную реализацию грамматической модели предложения. В данном случае предикативность реализуется в контекстном окружении, а рассматриваемая единица получает ее в “отраженном” виде, что позволяет нам считать такую предикативность имплицитной.

Исследованный нами материал приводит к необходимости введения понятия **актуально-ситуативной** предикативности:

(У прилавка магазина) *Два пакета молока*// (1);

(В банке) *Выпуски 3726*// (2);

(В регистратуре поликлиники) *Карточку Прокофьевой Анастасии Павловны*// (3).

В приведенных случаях (1,2,3) сама ситуация (запроса информации, просьбы) является неязыковым средством, позволяющим соотнести содержание предельно редуцированного высказывания с ре-

альной действительностью, что позволяет говорить о распространении на речевую единицу предикативных характеристик, заданных ситуационно.

Наши наблюдения свидетельствуют и о том, что предикативность, реализующаяся через грамматические показатели, может оказаться только *формальной*:

Слушай! (1) *ты не знаешь...*;

(Из речи радио- и телеведущих) *Догоняйте нас на радиоволнах Ваших радиоприемников!* (2);

Не переключайтесь! (3) *Оставайтесь с нами!* (4)

Предикативно оформленное определенно-личное предложение *Слушай* в (1) по своему коммуникативному назначению – инициальная фатическая реплика. Она лишена пропозитивного компонента, не является членом модальной парадигмы предложения, следовательно, ее предикативность формальна. Очевидно, что информативный компонент функционально угнетен в случае (2): “призыв” радиоведущего *Догоняйте нас на радиоволнах Ваших радиоприемников!* обращен к тем, кто уже “поймал” волну данной радиостанции. В разной степени семантически опустошены и другие приведенные фатические реплики.

Следовательно, нельзя сводить предикативность к парадигме форм, не учитывая наличия/отсутствия информативного содержания, поскольку, с одной стороны, категория предикативности может не иметь эксплицитного выражения в речевых единицах, а с другой стороны, при грамматической выраженности данной категории в семантически опустошенных единицах можно говорить только о формальной, но не о реальной предикативности. Таким образом, можно ут-

верждать, что в устно продуцируемой речи реализация данной категории отличается гетерогенным характером.

Вопрос о предикативности единиц непредложенческого типа, функционирующих как реактивные реплики, является остро дискуссионным. С нашей точки зрения, важным дифференциальным признаком непредложенческих коммуникативов является то, что они формируются за счет дискурсивной или десемантизированной полнозначной лексики. Отсюда их неспособность к самостоятельной передаче пропозициональной информации и тесная связь с контекстом и ситуацией. Собственная семантика большинства неноминативных коммуникативов характеризуется только модусной составляющей, содержание которой сводится к категории “отношения”.

Таким образом, мы квалифицируем непредложенческие коммуникативы как непредикативные на том основании, что они не имеют пропозитивного содержания, не характеризуются пространственно-временной локализацией (категория “отношения” выражается безотносительно ко времени, не определяется в аспекте реальность/нереальность).

При рассмотрении **структурно-семантической специфики** исследуемых единиц по отношению к инварианту вводится понятие модификации. **Модификация** единиц устной речи – это процесс и результат речевого варьирования языкового инварианта. Речевые единицы предложенческого типа либо соответствуют определенной грамматической модели, либо подвергаются структурной/функционально-семантической модификации.

В речи в результате разнообразных модификаций структуры предложенческих единиц под влиянием законов построения устного

дискурса функционируют регулярные типизированные разговорные варианты моделей предложения, а также слабооформленные построения, характеризующиеся самоперебивами, перестройкой фразы на ходу, обрывами и т.п. В результате функционально-семантических модификаций единиц предложенческого типа в последнее время нарастает тенденция использования содержательно структурированных единиц в качестве конвенционализированных речевых формул: *Позвонивай! Увидимся! Услышимся! Оставайтесь с нами! Спасибо что остались с нами//* и т.д. При этом содержательная ценность таких формул близка к нулю из-за десемантизации составляющих их компонентов. Это позволяет говорить о случаях ослабления (снятия) реального семантического содержания и соответственно – о функционально-семантической модификации таких единиц предложенческого типа. Мгновенному тиражированию фатических формул способствуют современные СМИ, стремящиеся к созданию атмосферы взаимопонимания, к регуляции психологического состояния аудитории, к подчеркиванию неофициальности.

Все указанные признаки, как правило, четко выражены у предложенческих единиц и не выражены у непредложенческих, поэтому они могут рассматриваться как входящие в комплекс дифференциальных признаков при разграничении единиц предложенческого и непредложенческого типа.

В рамках второго аспекта анализа – **логики-семантического** анализируются такие дифференциальные признаки, как **соотношение единицы с логическим суждением и диктумно-модусные смыслы.**¹

---

¹ Мы не ставим задачу углубленного анализа семантической структуры речевых единиц (выявления ролевых признаков актантов и т.п.). В фокусе нашего вни-

В предложенческих структурах двучленное субъектно-предикатное членение может выступать не только как последовательный (обязательный, постоянный), но и как ослабленный, непоследовательный признак. Варианты предикатного членения наблюдаются в предложенческих единицах, характеризующихся нерасчлененностью субъекта и предиката (*Дождь// Смеркается//*), а также в случаях, когда, по нашему мнению, субъект и предикат вследствие их диффузности “растворены” в коммуникативной ситуации (тост: *За здоровье!*). В целом же единство языка и мышления обуславливает взаимосвязь языковых и логических единиц. В отличие от основных синтаксических единиц языка, представляющих собой аналоги логических категорий (слово – понятие, предложение – суждение), *непредложенческие* структуры не соотносятся с суждением (*Да ну тебя! Вот еще!*).

В предложенческих структурах возможно сочетание диктумных и модусных смыслов, тогда как для непредложенческих характерно присутствие только модусных смыслов. Следовательно, вторым присуще функциональное значение обобщенного характера при отсутствии конкретного информативного содержания. При этом, как представляется, можно говорить о закономерности: когда у непредложенческой единицы вырабатывается абстрактное значение, она приобретает статус языковой единицы. Последующая фиксация ее в словарях и разговорниках дает основание считать, что речевое функциональное значение превратилось в языковое функциональное значение (*Да* – выражение согласия, *Нет* – выражение несогласия).

мания – два указанных дифференциальных признака логико-семантического характера.

В рамках третьего аспекта анализа – **функционально-коммуникативного** – рассмотрены следующие дифференциальные признаки речевых единиц: **степень коммуникативной самодостаточности, роль в структуре дискурса, коммуникативная членимость и функциональная направленность** (см. таб. 1).

На втором уровне классификации нами выделяется пять типов конструктивно-синтаксических единиц. Указанные типы КСЕ выделяем на основе следующих ведущих дифференциальных признаков: наличие/отсутствие коммуникативной самодостаточности единицы, особенности реализации в ней категории предикативности, соотношение диктумной (пропозициональной) и модусной составляющих, соответствие грамматической модели, характер передаваемой информации, функциональная направленность.

Таблица 1

Функционально-коммуникативная направленность КСЕ

Дифференциальные признаки	Структура единицы	
	Предложенческая	Непредложенческая

<i>Степень коммуникативной самодостаточности</i>		
• Автосемантичность	+	–
• Синсемантичность	(+)	+
• Син-автосемантичность	(+)	–
<i>Роль в структуре диалогического единства</i>		
• Стимулирующая	+	–
• Реактивная	+	+
• Реактивно-стимулирующая	(+)	(+)
<i>Коммуникативная членимость</i>	+(+)	–
<i>Функциональная направленность</i>		
• Информативная	+	–
• Речерегулирующая	(+)	+

Примечание. Для указания на представленность в единице темы и ремы используем знак +, на представленность одной ремы – знак (+).

Первый тип – **типичная предикативная единица** – это автосемантическая (реже синсемантическая/син-автосемантическая) КСЕ с реальной эксплицитной или имплицитной предикативностью; сочетающая диктумные и модусные смыслы; реализующая инвариантную грамматическую модель (возможна системная или контекстуальная ее неполнота); несущая в основном фактуальную информацию, т.е. выполняющая информативную функцию, но иногда используемая для передачи коммуникативной информации и в этом случае имеющая речерегулирующую функциональную направленность²:

² У типичных предикативных единиц при сохранении основной функции передачи фактуальной информации может появляться и функция передачи коммуникативной информации (а также дискурсивной). В некоторых случаях фактуальная

Завтра обещают дождь// (1)³;

Я слышал/ (2) (что) завтра обещают дождь// (3);

А. Когда мы встречаемся? (4) – Б. Только когда она придет// (5);

А. Я нормально поработала над статьей// (6) – Б. А я слабоватенько... (7);

Как концерт? (8) (= Какое впечатление произвел концерт?);

Аня подарила сестренке/ сотовый/ (9) (а) сестренка ей/ ручку// (10);

Оставайтесь с нами! (11).

Приведенные примеры иллюстрируют: автосемантическую (1,4,6,8,9,11), синсемантическую (2,3,7,10), син-автосемантическую (5) типичных предикативных единиц; соответствие грамматическим моделям предложения: системно-языковая неполнота модели наблюдается в (8) и контекстуальная неполнота – в (10). Типичные предикативные единицы реализуют реальную имплицитную (7,10) или эксплицитную предикативность (в остальных случаях). Приведенные единицы характеризуются сочетанием диктумных и модусных смыслов; представлением фактуальной информации и информативной функциональной направленностью в (1–10), или коммуникативной информации и речерегулирующей направленностью в (11).

Второй тип – **структурно модифицированная предикативная единица**. Это синсемантическая/автосемантическая КСЕ с реальной эксплицитной/имплицитной или актуально-ситуативной предикативно-

---

информация уже практически отсутствует (*Я вас приветствую// Рад засвидетельствовать вам свое почтение//*).

³ Для иллюстрации выделения конструктивно-синтаксических единиц здесь последовательно пронумеруем все КСЕ.

стью, сочетающая диктумные и модусные смыслы, базирующаяся на структурно модифицированной модели предложения (типизированный разговорный вариант модели, слабооформленное построение, ситуативно редуцированное и т.п.), несущая в основном фактуальную информацию, т.е. имеющая информативную функциональную направленность:

Вот этот вот термин/ он введен мною// (1);

А. Пошли/ поворотник// (2) (= Пойдем / можно идти через дорогу, потому что водитель машины включил поворотник и повернет) – ***Б. Ну ты и глазастая!***;

(На остановке троллейбуса) ***Подождем на девятке//*** (3) (= Не поедем в этом переполненном троллейбусе, а подождем троллейбус 9-го маршрута);

(В аптеке) ***Панангин//*** (4).

Выделены и пронумерованы структурно модифицированные предикативные единицы: типизированный разговорный вариант модели – конструкция с именительным темы (1); конситуативно редуцированные построения, включающие вербальные компоненты, семантико-синтаксическая связь между которыми опосредована несколькими незамещенными позициями (2,3); предельно редуцированное построение, в котором вербализован только предмет востребования, остальная часть конструкции семантизируется ситуационно (4). Все эти КСЕ предикативны, но характеризуются разными способами оформления предикативного значения: (1) – реальной эксплицитной предикативностью, выраженной формально-грамматически; (2,3) – сочетанием эксплицитной (формально-грамматической) и имплицитной предикативности; (4) – актуально-ситуативной предикативно-

стью, поскольку ситуация приобретения лекарственного препарата выступает неязыковым средством выражения предикативности. Все единицы характеризуются информативной направленностью, так как передают фактуальную информацию.

Третий тип – **функционально-семантически модифицированная предикативная единица (коммуникатив с формальной предикативностью)** – это автосемантическая или син-автосемантическая КСЕ с эксплицитной, но всегда формальной, а не реальной предикативностью, с функционально активизированной модусной и угнетенной диктумной составляющей, реализующая грамматическую модель предложения, однако несущая коммуникативную информацию и соответственно имеющая только речерегулирующую направленность:

(По телефону) А. *До свидания дорогая!* – Б. *Целую тебя!* (1);

Так что вы думаете? (2) *Этот альбом у нее сохранился!*;

(Из речи телеведущего) *Мы обязательно встретимся в следующей передаче!* (3);

(Обращаясь к входящему в комнату) *Пришел?* (4);

Вообрази/ (5) *идет она вчера по проспекту...*;

Она мне ничего не отдала/ представляешь? (6)

КСЕ (1,3,4) функционируют как автосемантические; (5,6) – син-автосемантические (входят в состав информативных высказываний в качестве сегментов, играющих роль фатических маркеров). Коммуникатив с эксплицитной формальной предикативностью реализует грамматическую модель предложения, однако это и не предложение, и не коммуникатив в их обычном понимании. У КСЕ этого типа, несмотря на их эксплицитную предикативность, информативный ком-

понент и диктумная составляющая функционально угнетены: (1,3) приближаются к статусу клишированных этикетных формул; (2,5) подготавливают собеседника к восприятию последующей информативной части высказывания, обеспечивая “активного слушателя”; (4) используется для установления контакта; (6) позволяет говорящему апеллировать не только к вниманию собеседника, но и к его чувствам.

Следует отметить, что, по сравнению с собственно коммуникативами, функционирующими в качестве контакторечевых стереотипов, коммуникативы с формальной предикативностью более свободны, а следовательно, менее устойчивы по лексическому наполнению.

Четвертый тип – **предикативно-релятивная единица (гибридный коммуникатив)** – это автосемантическая или синсемантическая КСЕ с реальной эксплицитной или имплицитной предикативностью, с доминирующей модусной и ослабленной диктумной составляющей, реализующая фразеологизированную грамматическую модель предложения, сочетающая фактуальную и коммуникативную информацию, поэтому характеризующаяся информативно-речерегулирующей функциональной направленностью:

А. *Как твои?* (1) *Привет им!* (2) – Б. *Спасибо//.*

В эллиптических вариантах предложений *Как твои?* (в полной форме: *Как твои близкие поживают/чувствуют себя?*) и *Привет им!* (*Передавай им привет!*) фатическая составляющая доминирует над информативной. Вопросительное высказывание (1) – это фактически не запрос информации о состоянии дел и здоровья, а этикетная фор-

мула выражения внимания, участия, о чем свидетельствуют как последующая реплика, так и реакция собеседника (*Спасибо*).

А. *Пока!* – Б. *До завтра!* (3)

Информативное содержание гибридного информатива (3) сохраняется (*Расстаемся до завтра* – до определенного срока). Однако на самом деле это формула прощания, поэтому можно говорить о том, что фатическая составляющая усилена, а информативная ослаблена.

А. *Тебе эта музыка не нравится?* – Б. *Почему не нравится?* (4)
– А. *Ну ты как я включаю/ всё время на кухне торчишь//.*

Гибридный коммуникатив *Почему не нравится?* (4) осуществляет запрос информации (информативная составляющая), вместе с тем в позиции ответной реплики, так же как в частных вопросах, в нем ощутимо модальное значение. Информативная составляющая осложнена коммуникативными параметрами: это не просто запрос информации, а еще и “реакция на модус полагания” (Н.Д. Арутюнова) высказывания собеседника (= Непонятно, почему ты так считаешь; ты не права).

Из приведенных выше примеров видно, что гибридный коммуникатив может характеризоваться как автосемантичностью (1,2,3), так и синсемантичностью (4); как реальной эксплицитной предикативностью (1,2,3), так и реальной имплицитной (4); реализовывать фразеологизированную эллиптическую модель предложения в ее системно-неполном (1,2,3) или контекстуально неполном (4) варианте; сочетать информативную и речерегулирующую функциональную направленность.

Важно подчеркнуть, что в отличие от собственно коммуникативов, фразеологизированных на уровне и формы и содержания, гиб-

ридные коммуникативы фразеологизированы только на уровне формы. Это единицы несвободной структуры с относительно свободной понятийной семантикой.

Пятый тип – **релятивная единица (собственно коммуникатив)** – это синсемантическая непредикативная КСЕ, выражающая модусные смыслы, несущая прежде всего коммуникативную информацию⁴, имеющая речерегулирующую направленность. Вследствие денотативной опустошенности коммуникатив не является членом предложения (элементом субъектно-предикатной структуры): А. **Пока!** (1) – Б. **Ну давай!** (2)

В реактивных единицах (1,2), выполняющих функцию размыкания контакта, фатический компонент покрывает всё высказывание.

Во втором разделе главы выстраивается система КСЕ. Нежесткий характер языковой системы проявляется в гибкости ее средств и обуславливает совмещение признаков предложения и признаков коммуникатива в переходных единицах. Выделение переходных, синкретичных КСЕ является ярким свидетельством диффузности и континуальности двусущностного единства язык–речь, отражает “текучесть” формы и содержания, динамику их взаимодействия (см. таб. 2).

Таблица 2

Типология конструктивно-синтаксических единиц

Аспекты	Тип единиц	Коммуникативно-информативный	Информативно-регулятивный	Коммуникативно-регулятивный
---------	------------	------------------------------	---------------------------	-----------------------------

⁴ Ограниченным информативным потенциалом (при отсутствии денотативного и сигнификативного значений) отличаются только коммуникативы *Да/Нет* и их модализованные варианты.

ты ана- лиза	Диф- ференц. признаки	Типичные предикат. единицы	Струк- турно модифиц. предикат. единицы	Функц.- семант. модиф. предикат. единицы	Пре- дикат.- релятив- ные единицы	Релятив- ные еди- ницы
1	2	3	4	5	6	7
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ	Особенности ре- ализации категории предикативности					
	• Реальная эксплицитная	+	+	-	+	-
	• Реальная имплицитная	+	+	-	+	-
	• Эксплицитная формальная	-	-	+	-	-
	• Актульно- ситуативная	-	+	-	-	-
	Структурно- семантическая специфика					
• Соответствие языковому инва- рианту	+	-	-	+	-	
• Модификации – структурные	-	+	-	-	-	
– функцио- нально- семант. Клиширован. формула	-	-	-	+	(+)	-
Логико- семантический	Диктумно- модусные смыслы					
	• Диктум	+/-	+	-	(+)	-
	• Модус	+/-	+/-	+	+	+

1	2	3	4	5	6	7
ФУНКЦ.-КОММУНИКАТИВНЫЙ	Степень коммуникативной самодостаточности					
	• Автосемантическая	+	+	+	+	-
	• Синсемантическая	+	-	+	-	-
	• Син-автосемантическая	+	-	+	-	-
	Характер передаваемой информации					
	• Фактуальная	+	+	-	(+)	-
	• Коммуникативная	(+)	-/(+)	+	(+)	+
	Функциональная направленность					
	• Информативная	+	+	-	(+)	-/(+)
	• Речерегулирующая	(+)	-/(+)	+	+	+

Можно говорить о том, что практически по всем рассмотренным дифференциальным признакам выстраивается шкала: между типичной предикативной единицей и коммуникативом располагаются единицы с различной степенью проявления данного признака.

- По признаку соответствия модели предложения: инвариантная модель в ее полном или неполном виде (типичные и функционально-семантически модифицированные предикативные единицы; гибридные коммуникативы) – структурно модифицированные предикативные единицы (типизированные разговорные варианты модели предложения, слабоформленные построения) – несоответствующие модели предложения единицы (собственно коммуникативы).

- По реализации категории предикативности: реальная эксплицитная и имплицитная предикативность в предложенческих структурах (типичные предикативные единицы и гибридные коммуникативы) – распространение на речевую единицу предикативных характеристик, заданных ситуативно (структурно модифицированные предикативные единицы) – формальная предикативность в предложенческих структурах (коммуникативы с формальной предикативностью) – отсутствие предикативности в непредложенческих структурах (собственно коммуникативы).
- По структурно-семантической специфике: соответствие предложенческих структур языковому инварианту (типичные предикативные единицы, гибридные коммуникативы) – структурная или функционально-семантическая модификация предложенческих единиц (структурно модифицированные предикативные единицы и коммуникативы с формальной предикативностью) – клишированная формула (собственно коммуникативы).
- По соотношению диктумно-модусных смыслов: диктумная пропозиция и модусная составляющая в типичных и структурно-модифицированных предикативных единицах – доминирование модусной составляющей над диктумной в гибридных коммуникативах и коммуникативах с формальной предикативностью – только модусная составляющая в собственно коммуникативах.
- По характеру передаваемой информации: фактуальная информация в типичных и структурно модифицированных предикативных единицах – сочетание фактуальной и коммуникативной информации в гибридных коммуникативах – только коммуника-

тивная информация в коммуникативах с формальной предикативностью и собственно коммуникативах.

Анализ системного взаимодействия исследуемых единиц предполагает определение и наборов **интегральных** признаков КСЕ. Так, первым интегральным признаком можно назвать обязательность КСЕ для речевой коммуникации (без них она не может осуществляться). Можно сказать, что КСЕ составляют не только “костяк”, но и “тело” речевой коммуникации. Вторым интегральным признаком для всех пяти типов КСЕ оказывается то, что они являются наименьшими структурными единицами, которые могут функционировать в речи самостоятельно в отличие от синтаксической формы слова (синтаксемы), занимающей определенную позицию внутри предложения или словосочетания. Для нашего исследования важно то, что полноценной функциональной направленностью характеризуется целостная КСЕ, а не составляющие ее компоненты (члены предложения или синтаксемы).

Интегральным признаком для КСЕ предикативного и предикативно-релятивного типа выступает их предложенческая форма (в отличие от релятивного коммуникатива).

Интегральным признаком для коммуникатива с формальной предикативностью и собственно коммуникатива является выполнение ими исключительно рчеорганизующих функций (гибридный коммуникатив как синкретичная единица сочетает информативную направленность с рчеорганизующей).

Проведенное исследование КСЕ подтвердило нашу гипотезу и позволило дать им следующее определение: **это наименьшие структурные единицы как предложенческого типа на основе свободного конструирования, характеризующиеся реальной, формаль-**

ной или актуально-ситуативной предикативностью, так и клишированные единицы релятивного типа, не обладающие признаками грамматической моделируемости и предикативности, но отличающиеся семантической и интонационной завершенностью и вместе с предложенческими единицами образующие “тело” дискурса, особенно в устной диалогической речи.

Конструктивно-синтаксическими единицами в строгом смысле этого слова могут называться только предложенческие структуры. Коммуникативы релятивного типа должны быть противопоставлены предложенческим КСЕ на основании отсутствия общей для всех них формы и предикативного признака. Коммуникативы обязательны для диалога, но могут отсутствовать в монологе (особенно письменном). Однако, используя условное обозначение “конструктивно-синтаксические единицы”, мы стремились подчеркнуть, что указанные предложенческие и непредложенческие структуры являются основными единицами речевой коммуникации в отличие от единиц вспомогательных, факультативных (которые кратко рассматриваются в третьей главе).

Третья глава “Единицы речевой коммуникации и их система” включает два раздела. **В первом разделе** рассматриваются вспомогательные единицы речевой коммуникации, не составляющие “костяк” синтаксиса речи, но функционирующие в устной речи наряду с выделенными пятью типами КСЕ: дискурсив, диалогический повтор и звуковой жест.

Дискурсивные слова и близкие к ним единицы становятся объектом пристального внимания исследователей как в отечественной лингвистике [Николаева 1985; Кобозева 1991; Баранов и др. 1993; Уздинская 1996; Прокуровская 1997; Словарь структурных слов 1997;

Дискурсивные слова... 1998; Дискурсивные слова... 2003 и др.], так и в зарубежной [Rey 1997; Kim, Glass, Freedman, Evans 2000; Louwarse, Mitchell 2003].

В роли дискурсивно-структурирующих единиц выступают прежде всего предложно-падежные формы, служебные и полуслужебные лексемы, частицы, модальные слова, некоторые знаменательные слова, организующие дискурс (*всего-навсего, по всей видимости, только, лишь, разумеется, скажем* и др.), а также типичные предикативные единицы дискурсивной направленности (*Вот это я говорила о законах дистрибуции*// – предикативная единица ориентирует адресата в потоке речи: информирует об исчерпанности темы и возможности перехода к новому тематическому фрагменту сообщения).

Наши наблюдения над дискурсивами (включая так называемые метатекстовые конструкции, средства речевой рефлексии) показали, что они имеют самую разнообразную структурную организацию и предикативное оформление. Это может быть 1) предикативно оформленная единица: *так теперь его называют, как вы удачно выразились, это слово трудно заменить*; 2) полупредикативная единица: *выражаясь современным языком, уже ставшее привычным понятие, попросту / условно говоря*; 3) инфинитивная единица непредикативного характера: *проще / точнее сказать, лучше говорить*; 4) частично десемантизированные глаголы: *скажем, глядишь*; 5) сочетания словоформ: *по словам декана, дело в том* и т.п.

В отличие от коммуникатива, который как конструктивно-синтаксическая единица характеризуется совокупностью структурно-семантических и функциональных признаков, дискурсивы и диалогические повторы не образуют единого функционального класса единиц,

поскольку не имеют четких границ и собственных дифференциальных структурно-семантических признаков, а также единого функционального признака. Данные единицы не приобретают самостоятельного значения в дискурсе, а только организуют его (часто находятся в составе других единиц). На этих основаниях делаем вывод о том, что они являются не основными, а вспомогательными единицами дискурса и речевой коммуникации в целом.

К вспомогательным единицам речевой коммуникации мы относим и звуковые жесты – произвольные восклицания, выполняющие только сигнальную функцию: сигналы психо-физиологического и эмоционально-чувственного состояния говорящего.

Во втором разделе главы рассматривается вся система единиц речевой коммуникации. В результате проведенного анализа конкретных устных дискурсов установлены четыре вида информации, передаваемой единицами речевой коммуникации.

Под **фактуальной информацией** понимается всё то, что пополняет интеллектуальный запас знаний человека или содержит сведения бытового характера, необходимые в данный момент. **Коммуникативная информация** отражает взаимодействие между автором речи и ее адресатом и, следовательно, направлена на организацию общения: информативность в контакто-регулирующем плане (поддержание контакта, оформление этапов интеракции); информативность в оценочно-интерпретационном плане (когнитивно-модальные оценки речи/ситуации); информативность в плане интерперсональных отношений (интимизация общения, смягчение категоричности суждений и т.п.). **Дискурсивная информация** направлена на организацию дискурса и ориентацию адресата в нем для оптимального восприятия как

фактуальной, так и коммуникативной информации: информативность в плане структурирования дискурса, обозначения роли фрагмента в тексте, отношения к нему автора и т.д. **Сигнальная “информация”** – это информативность произвольных речевых проявлений (в том числе табуированных восклицаний и их заменителей) в плане выражения психо-физиологического и эмоционально-чувственного состояния говорящего.

В исследованном материале устной речи функционируют как речевые единицы, выражающие определенную информацию в “чистом” ее виде, так и сочетающие информацию сразу двух видов (гибридные коммуникативы, дискурсивы и диалогические повторы двойственной направленности, а также предикативные единицы, синкретично контаминирующие информацию разных видов).

Наше представление о речевой системности отражают как классификации КСЕ первого и второго уровней (вторая глава), так и выявляемые в данном разделе закономерности системно-структурного устройства континуума устной коммуникации. Общую картину системно-структурного устройства единиц континуума речевой коммуникации (на материале синтаксиса устной речи) можно представить следующим рисунком (см. рис. 1).

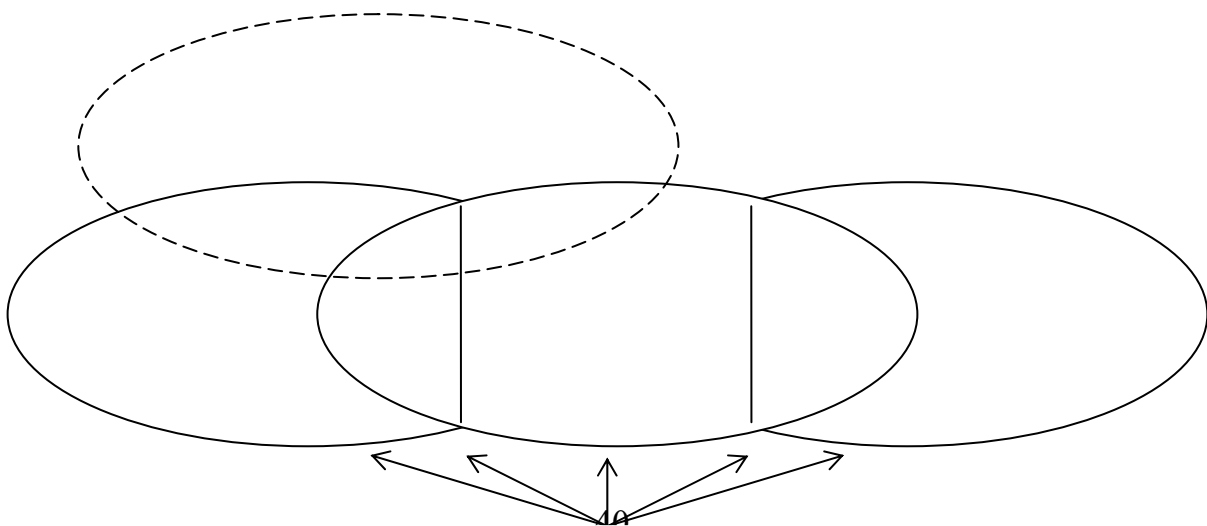

Рис. 1. Системно-структурное устройство единиц речевой коммуникации

Как видно на рисунке, зона 1 безусловно-рефлекторных речевых проявлений (БРРП) отграничена пунктирной линией с целью ее противопоставления собственно коммуникативным зонам. Пять зон условно-рефлекторных речевых проявлений (УРРП) отграничены сплошной линией: это три основные зоны 2, 3, 4 и две переходные (2–3, 3–4), образующиеся в результате взаимодействия и наложения основных зон. Зоны именуются в соответствии с функциональной ролью формирующих их единиц: 2 – коммуникативно-информативная зона (или просто информативная), 2–3 – информативно-регулятивная, 3 – регулятивная, 3–4 – регулятивно-дискурсивная, 4 – дискурсивная. За пределами рисунка (и нашего исследования) находится зона, условно обозначенная нами как служебно-организующая, которую формируют грамматические операторы.

Коммуникативно-информативная зона 2 представлена информативами: типичными и структурно модифицированными предикативными единицами.

Регулятивную зону 3 формируют коммуникативные регуляторы: собственно коммуникативы, коммуникативы с формальной предикативностью, диалогические повторы регулятивной направленности и типичные предикативные единицы во вторичной для них регулятивной функции.

Дискурсивная зона 4 организована прагматическими операторами: дискурсивами, диалогическими повторами дискурсивной направленности и типичными предикативными единицами во вторичной для

них дискурсивной роли.

Обращают на себя внимание переходные зоны наложения. Как вообще всё в языке не имеет “китайских стен”, характеризуется взаимопереходами, синкретичностью, нет непроходимой границы и между указанными зонами. Взаимодействие сразу трех зон 1, 2, 3 иллюстрируют звукоподражания и волевые побуждения междометного характера, несущие элементы как фактуальной, так и коммуникативной информации и являющиеся переходными знаками от “докоммуникативных” к коммуникативным (*Ква-ква! Ку-ку! Цыц! Гон!* и т.п.).

К зоне 1–3 относится, например, диалогический “эхо-повтор”, являющийся лишь механическим воспроизведением реплики-стимула и носящий непроизвольный характер, а также во многих случаях синкретичные непроизвольно-произвольные табуированные “коммуникативы-звуковые жесты” (*У-ух! Блин! Ё-о! Мать твою!* и т.п.).

Переходную зону 2–3 формируют гибридные коммуникативы – клишированные формулы предложенческого характера, – выступающие, например, как пожелания с информативной направленностью и одновременно как фатические формулы прощания, размыкания контакта: (На телевизионном канале “Россия”) *Хороших выходных! Хорошего воскресенья!* В этой же зоне оказываются и типичные предикативные единицы, выполняющие двойственную роль информатива и коммуникативного регулятора. Так, предикативные единицы используются в качестве приветствия и одновременно представления программы или ведущего (*Встречайте утро/ в прямом эфире на канале “Россия”!*; *Доброго утра вам желает вся наша бригада/ и я/ Михаил Ситин!*), а также в качестве конвенционализованной формулы про-

щения и информирования о следующем выходе в эфир (*Завтра в это же время дня обязательно увидимся//*).

Переходная зона 3–4 организуется дискурсивами двойственной регулятивно-дискурсивной направленности (например, *к сожалению, к счастью, естественно*), диалогическими повторами регулятивно-дискурсивной направленности (например, “повтором-хезитативом” и т.п.), а также типичными предикативными единицами дискурсивно-регулятивной направленности (*Напомню вам хорошо известную истину//*).

Выявленную картину основных и переходных зон континуума речевой коммуникации можно соотнести с образной картиной синтаксиса, которую рисует Ю.С. Степанов: “Скорее всего синтаксис можно уподобить обширному континууму, в котором имеется хорошо структурированная часть – сетка, или решетка, состоящая из узлов (структурных моделей предложений) и линий отношений (трансформаций), связывающих узлы, в котором одновременно имеются почти непрерывные ряды синтаксических единиц, различающихся вариациями <...> и заполняющих промежутки между узлами и линиями решетки” [Степанов 1989: 7].

Таким образом, под системой единиц речевой коммуникации мы понимаем совокупность всех единиц устного дискурса (основных и вспомогательных), выделенных на основании анализа материала конкретных дискурсов. Автор не считает этот состав речевых единиц исчерпанным. Дальнейшее привлечение материала и более пристальный анализ могут его расширить, детализировать (например, возможна внутренняя типология дискурсивов, речевых жестов). Для нас было важным противопоставить единицы разных зон и сосредоточить

внимание на конструктивно-синтаксических единицах коммуникации.

В четвертой главе “Функционирование конструктивно-синтаксических единиц в разных типах речи” изучался коммуникативный потенциал и индекс разнообразия речевых единиц в разговорно-бытовом, массово-информационном и научном дискурсах. **В первом разделе** главы на основе функционального и количественного анализа выявлена представленность речевых единиц каждой зоны в указанных типах дискурса.

Условно и КСЕ, и не КСЕ были названы нами речевыми единицами. Поскольку все они разнородны: основные (предложенческие и непредложенческие) и вспомогательные (дискурсивы, диалогические повторы, речевые жесты) единицы коммуникации, – мы не смогли дать им четкого определения, остановившись на индуктивном принципе выделения каждой из них в процессе коммуникативно-синтаксического анализа реальных дискурсов.

В основе такого анализа – функциональная направленность единицы (информативная, фатическая, регулятивная, дискурсивно-структурирующая или их сочетание), разграничивающая составные части высказывания и не позволяющая объединять их в единое элементарное синтаксическое целое. Поэтому члены предложения в качестве самостоятельных речевых единиц нами не вычленялись, парцелляты считались неполными КСЕ, а речевые жесты, разные виды дискурсивов вычленялись в качестве особых вспомогательных речевых единиц, поскольку они не входят в диктум предложения, а следовательно, не видоизменяют фактуальную информацию, привнося информацию другого вида.

При вычленении вспомогательных единиц речевой коммуника-

ции учитывались также следующие моменты: 1) коммуникативное, интонационное их выделение и образование синтагмы, 2) возможность при определенных условиях быть самостоятельной единицей.

Таким образом, при анализе КСЕ мы опирались как на дедуктивный подход (шли от гипотезы, что они информативны и соответствуют установленным во второй главе критериям), так и на индуктивный (отсутствие или наличие дополнительной к фактуальной информации). При анализе вспомогательных единиц речевой коммуникации применялся чисто индуктивный подход. Как показал индуктивный путь, в речи возможно ослабление информативности единиц, вплоть до полной ее утраты.

В ряде случаев была возможна двоякая интерпретация – в диссертации мы каждый раз оговариваем эти факты. Приведем в качестве примера фрагмент из телевизионного ток-шоу “Культурная революция”. Ветлицкая: *Послушайте// (56) Я не употребляю лекарства/ (57) потому что я занимаюсь йогой/ (58) я медитирую/ (59) я делаю практики/ (60) я не болею// (61) О’кей! (62) Швыдкой: Отлично// (63) Дай вам Бог здоровья! (64) Спасибо// (65).*

О’кей! (62) – данная единица допускает двоякую интерпретацию. Если эта КСЕ характеризует состояние здоровья Н. Ветлицкой, то можно квалифицировать ее как неполную типичную предикативную единицу. Если же коммуникантка таким образом оценила ситуацию в целом, то возможна ее квалификация как собственно коммуникатива. Мы склоняемся ко второй интерпретации.

Дай вам Бог здоровья! (64) – возможна интерпретация данной КСЕ либо как типичной предикативной единицы регулятивной направленности, либо как собственно коммуникатива. Считаем, что эта

устоявшаяся форма, несмотря на ее многокомпонентность, ближе к собственно коммуникативу.

При анализе речевые единицы не были единицами выборки, указывалось лишь общее количество индуктивно выделенных нами единиц для выявления реального их соотношения в конкретных дискурсах.

Приведем фрагмент телефонного разговора (текст И.Н. Борисовой [2001: 352–353]) и последующего анализа всех выделенных в нем единиц речевой коммуникации (каждая речевая единица сопровождается нами порядковым номером в квадратных скобках).

Ситуативный контекст: разговор по телефону подруг – Л. (филолог, преподаватель вуза, 39 лет) и М. (домохозяйка, по образованию филолог, 42 года). Накануне М. с мужем были в гостях у Л. Сергей – муж Л.

Л. Алло! (1) (пауза) Алло! (2)

М. Леночка/ (3) привет! (4)

Л. Ой/ (5) Маринка/ (6) привет! (7)

М. Мы вас вчера не сильно утомили? (8)

Л. Да ты что/ (9) я так рада была (10) что вы пришли// (11)

М. А то мне показалось/ (12) что Сережка засыпал совсем// (13)

Л. Нет/ (14) ты знаешь/ (15) он что-то так на работе переутомляется/ (16)...

Коммуникативы *Алло!* (1,2) демонстрируют готовность к контакту, управляют партнером коммуникации, приглашая к реализации речевой инициативы. Звуковой жест *Ой* (5) можно квалифицировать в данном случае как коммуникатив, характеризующийся двойственной

ролью: сигнальной (опознавание собеседницы) и регулятивной (радость по поводу контакта).

Привет! (4,7) квалифицируем как собственно коммуникативы, осуществляющие “социальное поглаживание” (Н.И. Формановская) собеседницы при установлении контакта.

Обращения *Леночка, Маринка* (3,6), хотя и не служат средством привлечения внимания кого-то, имеют контактоустанавливающую направленность. Считаем, что они не являются модифицированными предикативными единицами (ср.: *Это ты/ Леночка*), поскольку интенция говорящего заключается не в идентификации. Это положительная реакция узнавания, радости, приятного удивления и т.п. Фатическая функция установления контакта расширяется за счет настраивания собеседницы на непринужденную тональность общения. На этом основании квалифицируем обращения как собственно коммуникативы.

Вопросительная реплика *Мы вас вчера не сильно утомили?* (8) представляет собой типичную предикативную единицу информативно-регулятивной направленности, так как нацелена не столько на запрос фактуальной информации, сколько на развитие контакта. Вчерашняя гостья М. стремится отдать дань вежливости принимавшим их накануне хозяевам и убедиться, что визит не был причиной не совсем праздничного настроения мужа Л. – Сергея (*А то мне показалось что Сережка засыпал совсем//*). Фатическая составляющая рассматриваемой реплики очевидна. Понимая это, хозяйка Л. использует в качестве ответа собственно коммуникатив со значением отрицания категорического характера *Да ты что* (9).

Следующие четыре КСЕ *я так рада была* (10) *что вы пришли* (11) *а то мне показалось* (12) *что Сережка засыпал совсем* (13) являются типичными предикативными единицами, функционирующими в составе сложных единиц. Они передают разную фактуальную информацию.

Нет (14) собственно коммуникатив, выражающий прагматическое значение несогласия, так как используется Л. для оценки мнения собеседницы как несоответствующего действительности.

Ты знаешь (15) – коммуникатив с формальной предикативностью, выполняющий функцию контактного стимула.

Он что-то так на работе переутомляется (16) – типичная предикативная единица в роли информатива, раскрывающего истинные причины “утомленности” мужа.

Такому коммуникативно-синтаксическому анализу был подвергнут весь массив текстов (сто пятьдесят тысяч словоупотреблений). Проводились выборки по 1000 словоупотреблений, в результате чего были получены несколько различные результаты. Колебания показателей представленности единиц от минимума до максимума можно продемонстрировать таблицами 3, 4, 5 (список условных сокращений речевых единиц см. на с. 45).

Таблица 3
Минимальные, максимальные и средние показатели представленности речевых единиц в разговорно-бытовом дискурсе, %

Речевые единицы	ТПЕ	ТПЕир	ТПЕр	ТПЕрд	ТПЕд	СМПЕ	СМПЕир	Кг	Кп	Кс	ДПр	ДПрд	ДПд	Дрд	Д
min	44,6	0,2	0,5	-	-	0,3	0	0	0,8	21,7	0,1	0	0	0	0
max	64,4	5,4	4,3	-	-	4,3	3,0	2,8	4,2	41,9	2,5	1,4	1,0	1,8	2,6
ср.	55,0	2,8	2,4	-	-	2,3	1,5	1,4	2,5	31,8	1,3	0,7	0,5	0,9	1,3

Таблица 4
Минимальные, максимальные и средние показатели представленности речевых единиц в массово-информационном дискурсе, %

Речевые единицы	ТПЕ	ТПЕир	ТПЕр	ТПЕрд	ТПЕд	СМПЕ	СМПЕир	Кг	Кп	Кс	ДПр	ДПрд	ДПд	Дрд	Д
min	23,4	0,3	0,4	0	0	0	-	0	0,3	8,5	0	-	0	0	2,6
max	69,0	9,1	15,2	0,6	2,8	6,8	-	1,4	4,1	46,2	1,8	-	0,4	7,2	16,7
ср.	46,2	4,7	7,8	0,3	1,4	3,4	-	0,7	2,2	27,4	0,9	-	0,2	3,6	9,7

Таблица 5
Минимальные, максимальные и средние показатели представленности речевых единиц в научном дискурсе, %

Речевые единицы	ТПЕ	ТПЕир	ТПЕр	ТПЕрд	ТПЕд	СМПЕ	СМПЕир	Кг	Кп	Кс	ДПр	ДПрд	ДПд	Дрд	Д
min	53,7	0,2	0,3	0,5	0,7	0	-	0	0,3	0,5	0	0	0	0,1	8,8
max	70,3	3,4	3,1	4,5	6,7	10,6	-	0,8	4,1	10,3	0,6	0,8	0,6	0,3	28,0
ср.	62,0	1,8	1,7	2,5	3,7	5,3	-	0,4	2,2	5,4	0,3	0,4	0,3	0,2	18,4

Комментируя таб. 3, остановимся, например, на собственно коммуникативах. По данным наших исследований, доля коммуникативов в разговорно-бытовой речи составляет в среднем 31,8% всех единиц. Это согласуется с выводом О.Б. Сиротининой: “Даже если исключить из коммуникативов спорные составляющие, доля коммуникативов в разговорах составляет от 1/5 до 1/3 всех коммуникативных единиц” [Сиротинина 1999: 39]. Интервал в количественных показателях представленности собственно коммуникатива в разных диалогах равен почти 20% (от 41,9% до 21,7%). Это обусловлено влиянием *сферы* и *среды* общения [Костомаров 2005].

Так, в зависимости от сферы обсуждаемых вопросов, т.е. меньшей или большей степени информативности разговора, наблюдается соответствующая степень сгущения информативных и регулятивных единиц: при низком уровне информативности увеличивается удельный вес коммуникативов разного вида и типичных предикативных единиц, выступающих в роли регулятивов. Подобное влияние оказывает и среда общения, например, высокая степень близости отношений, доминирование “психологической цели над логической” (И.Н. Борисова), коммуникативной интенции над информативной.

Анализ показал, что самыми частотными в разговорно-бытовом диалоге являются типичные предикативные единицы – 55% и собственно коммуникативы – 31,8%, что может служить доказательством справедливости предположения о том, что в разговорной речи к числу основных единиц наряду с предложением-высказыванием – базовой языковой единицей, необходимо относить и коммуникатив – речевую функциональную единицу.

Проведенный количественный анализ дает возможность выявить, как представлены в разговорно-бытовом дискурсе единицы каждой из пяти зон речевой коммуникации (рис. 2).

Рисунок наглядно показывает, что для разговорно-бытового дискурса строительным материалом служат в основном единицы первых двух зон: коммуникативно-информативной (57,3%) и коммуникативно-регулятивной (38,0%), а также пространства их наложения. Единицы дискурсивно-структурирующей зоны здесь практически не представлены (1,8%), так как они менее всего релевантны для разговорно-бытового диалога, не ориентированного из-за наличия обширной общей апперцепционной базы коммуникантов на возможность множественности интерпретаций и в связи с этим на необходимость четкой организации дискурса.

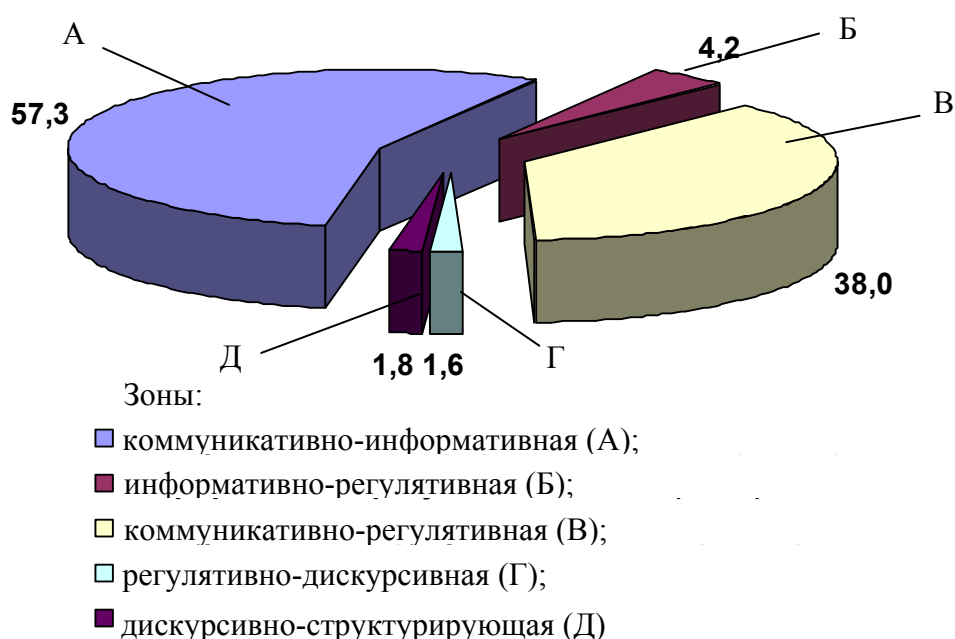

Рис.2. Доли зон единиц речевой коммуникации в разговорно-бытовом дискурсе

В массово-информационном дискурсе функционируют речевые единицы всех трех зон речевой коммуникации и пространств их наложения (можно сказать, что этот тип дискурса “покоится на трех ки-

тах”). По сравнению с разговорно-бытовым дискурсом здесь значительно увеличен удельный вес дискурсивов (примерно в 7 раз: 9,7% против 1,3% в разговорной речи), а также единиц дискурсивно-структурирующей зоны в целом: 11,3% против 1,8% (см. рис. 3).

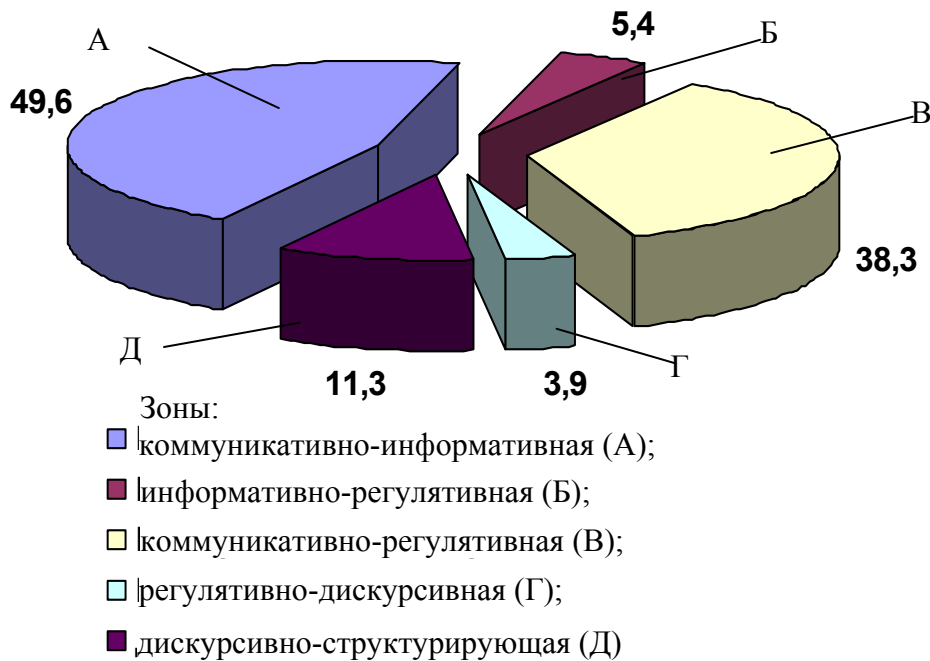
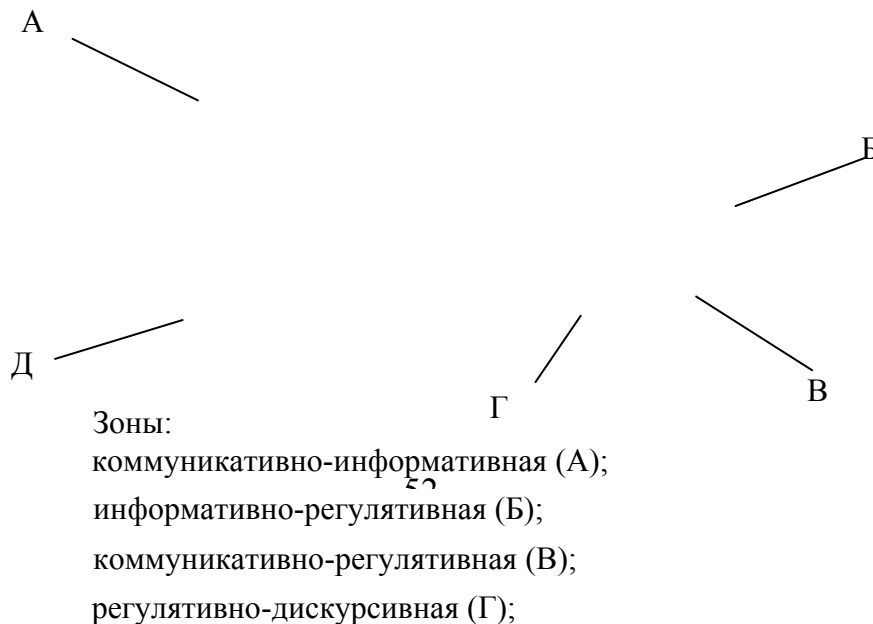

Рис. 3. Доли зон единиц речевой коммуникации в массово-информационном дискурсе

На след. рис. 4 видно, что строительным материалом для научного дискурса служат в основном единицы двух зон: коммуникативно-информативной (72,6%) и дискурсивно-структурирующей (22,4%).

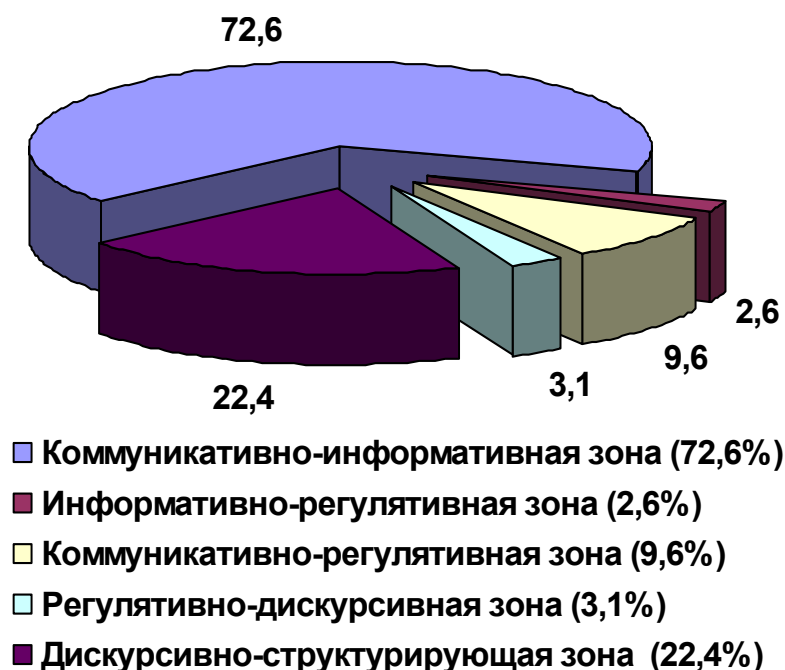

Рис. 4. Доли зон единиц речевой коммуникации в научном дискурсе

Таким образом, проведенный анализ позволил определить специфику функционирования основных и вспомогательных единиц речевой коммуникации в трех типах дискурса. Можно говорить о том, что каждый тип устного дискурса в зависимости от сферы и среды общения характеризуется своим соотношением информативного, регулятивного и дискурсивного “векторов” (термин В.Г. Костомарова), определяющим и соотношением в нем речевых единиц, что реализует тезис о языковом единстве и речевом варьировании.

В процессе исследования мы опирались на наше предположение о том, что в континууме коммуникации можно выделить пять зон: три основные и две переходные. Результаты исследования на основе изучения реального функционирования речевых единиц привели нас к заключению, что существуют **три явные зоны** речевых единиц: коммуникативно-информативная (передают фактуальную информацию), коммуникативно-регулятивная (передают коммуникативную инфор-

мацию), дискурсивно-структурирующая (передают дискурсивную информацию). В результате взаимодействия выделенных зон образуются два пространства их наложения, что показано на рис. 5.

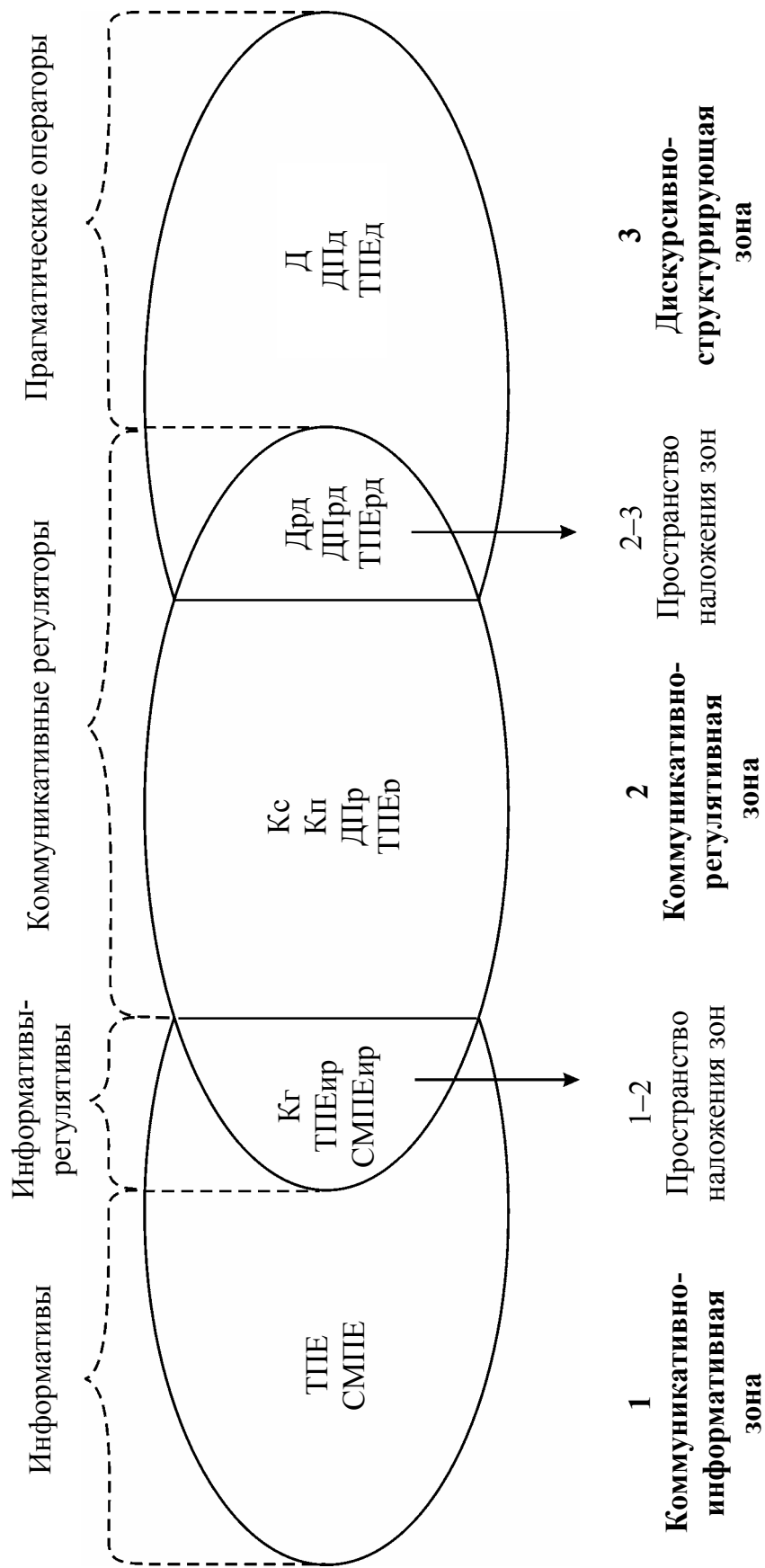

Рис. 5. Три основные зоны единиц речевой коммуникации

На более высоком уровне обобщения единицы всех выделенных зон входят в состав **двух основных ареалов** единиц речевой коммуникации: коммуникативно-номинативного и речеорганизующего. Представим графически соотношение ареалов единиц речевой коммуникации в рассмотренных типах дискурса (рис. 6).

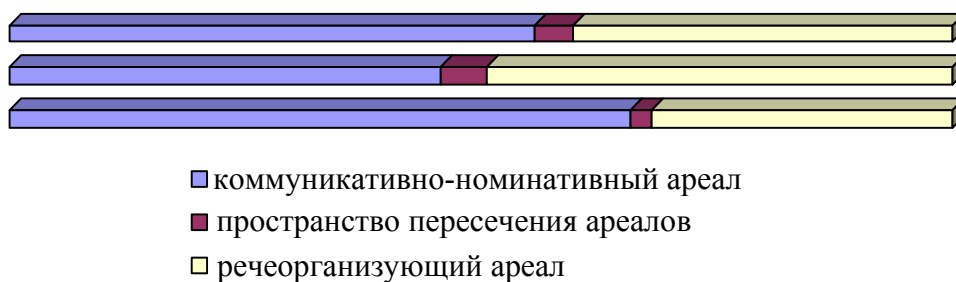

Рис. 6. Соотношение ареалов единиц речевой коммуникации в разговорно-бытовом, массово-информационном и научном типах дискурса (сверху–вниз)

Единицы **коммуникативно-номинативного** ареала составляют в разговорно-бытовом дискурсе в среднем 57,3% от общего количества единиц, в массово-информационном – 49,6%, в научном – 72,6%.

Единицы **речеорганизующего** ареала в разговорно-бытовом дискурсе составляют в среднем 41,4% (преобладают коммуникативные регуляторы), в массово-информационном – 53,5% (на фоне коммуникативных регуляторов возрастает количество прагматических операторов), в научном – 35,1% (преобладают прагматические операторы).

Единицы пространства пересечения ареалов составляют в среднем 4,2%, 5,4% и 2,6% соответственно.

Обобщение результатов проведенного анализа подтверждает установленную нами закономерность: состав единиц **речеорганизующего** ареала **расширяется**:

1) за счёт единиц пространства пересечения ареалов (интенционально заряженных, но с элементами пропозиционального содержания гибридных коммуникативов и типичных предикативных единиц информативно-регулятивной направленности);

2) за счёт неспециализированных для данного ареала единиц: предикативно оформленных, но с фатическим содержанием коммуникативов с формальной предикативностью, а также типичных предикативных единиц регулятивной, регулятивно-дискурсивной и дискурсивной направленности.

Во втором разделе 4-ой главы рассматривалось соотношение языковых и речевых факторов в функционировании конструктивно-синтаксических единиц.

Анализ материала показал, что наблюдаются шкалы (ступенчатость) в распределении единиц речевой коммуникации по функциональному весу и роли их существования в поле информатики и фатимики, по соотношению с информативной составляющей и речеорганизующей стороной общения.

Процесс убывания информативности наблюдается как в рамках единиц **одного типа** (на примере гибридного коммуникатива, собственно коммуникатива), так и в рамках единиц **разных типов** (на постепенном переходе от единиц информативно-регулятивной зоны к единицам регулятивной зоны).

Функциональный ряд из единиц разных типов иллюстрирует увеличение роли компонентов конситуации: *Желаю тебе счастливо съездить!* (типичная предикативная единица информативно-регулятивной направленности) – *Счастливо съездить!* (гибридный коммуникатив) – *Счастливо!* (собственно коммуникатив). При отсутствии опоры на конкретную ситуацию отъезда последняя единица ряда приобретает функциональную обобщенность, но при этом требует для однозначного понимания определенной ситуации (в ситуации ухода – прощание, в ситуации тоста, поздравления – буквальное пожелание счастья).

Показательны функциональные ряды, демонстрирующие сокращение типичной предикативной единицы дискурсивной направленности до однословного дискурсива: *скажу здесь короче – если говорить короче – короче говоря – короче; можно кстати сказать – кстати говоря – кстати; подведем итоги сказанного – итак*. Свертывание содержательно структурированной единицы сопровождается редукцией предикативности.

Обобщая сказанное, можно заключить, что процессы “коммуникативизации” и “дискурсивизации” происходят как в рамках единиц одного типа (внутри типовые), так и в рамках единиц разных типов (межтиповые). При этом наблюдается формализация или полная редукция предикативности предложенческих единиц.

Проведенное исследование единиц речевой коммуникации свидетельствует о системности их функционирования. Рассуждая о “своеобразном характере системной упорядоченности” (М.Я. Дымарский) устной речи, можно сделать вывод о трех вариантах соотношения языковых и речевых факторов в функционировании КСЕ (см. рис. 7).

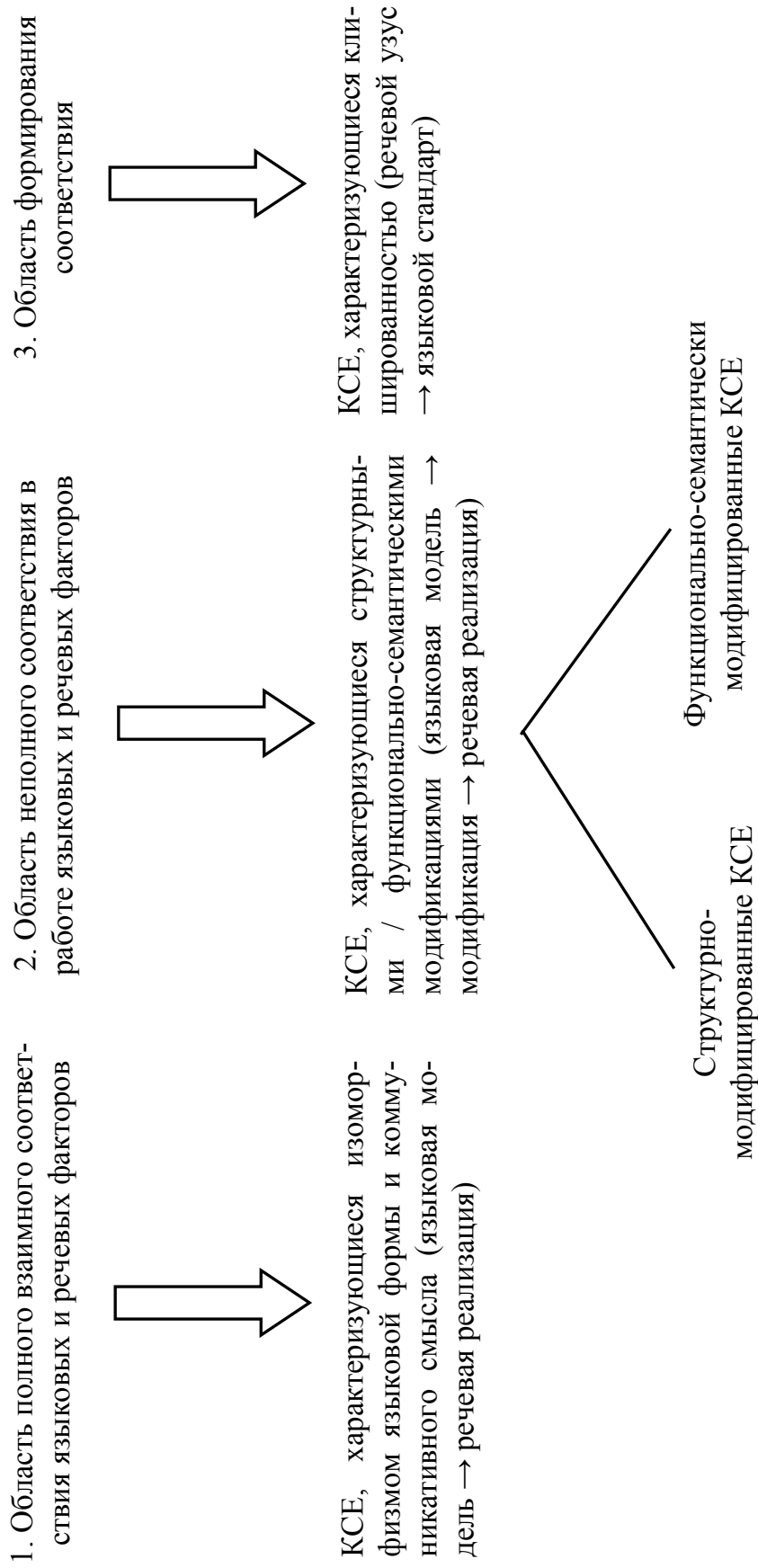

Рис. 7. Соотношение языковых и речевых факторов в функционировании КСЕ устной речи

На рисунке 7 выделены три области соотношения языковых и речевых факторов в функционировании КСЕ устной речи:

1) полное взаимное соответствие языковых и речевых факторов характеризует КСЕ, отличающиеся изоморфизмом языкового значения и коммуникативного смысла (языковая модель → речевая реализация): типичную предикативную единицу (в случае ее регулятивной или дискурсивной функциональной направленности полного соответствия уже не наблюдается), большинство гибридных коммуникативов;

2) неполное соответствие языковых и речевых факторов характеризует КСЕ, претерпевшие структурные/функционально-семантические модификации (языковая модель → модификация → речевая реализация): структурно модифицированную предикативную единицу, коммуникатив с формальной предикативностью;

3) формирование соответствия языковых и речевых факторов свойственно КСЕ, характеризующейся клишированностью и автоматизмом (речевой узус → языковой стандарт): собственно коммуникатив.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, которое позволило выявить три зоны единиц речевой коммуникации и два пространства их наложения. Установлено, что комплекс зон имеет признаки полевой системности.

Кроме того, в континууме речевой коммуникации существует, хотя и стоит особняком и реализуется далеко не во всех типах устного дискурса, зона безусловно-рефлекторных проявлений (“докоммуникативных” знаков, – сигналов эмоционально-чувственной информации). Она тоже взаимодействует с выделенными основными зонами, образуя пространство наложения.

Исследование функционирования единиц речевой коммуникации в устной речи – “кузнице языковых изменений” (Л.В. Щерба) – может способствовать решению вопроса о том, как инвариантная система языка репрезентируется в речи. Исследование показало, что речевая коммуникация осуществляется не только конструктивно-синтаксическими единицами, которые были специальным предметом нашего исследования, но и другими средствами: 1) диалогическими повторами и дискурсивами, не имеющими самостоятельного значения в дискурсе, а только организующими его, 2) звуковыми жестами, реализующимися далеко не во всех типах устного дискурса.

Наряду с многофункциональной типичной предикативной единицей, использующейся в большинстве зон речевой коммуникации, в языке–речи определенные функции формируют специализированные

единицы зон. Коммуникативно-регулятивная зона характеризуется такими специализированными единицами, как собственно коммуникатив, коммуникатив с формальной предикативностью, диалогический повтор регулятивной направленности. Специализированными единицами дискурсивно-структурирующей зоны являются дискурсивы и диалогические повторы дискурсивной направленности.

Особый интерес представляют синкретичные единицы, которые еще не были в сфере внимания исследователей: гибридный коммуникатив, типичные предикативные единицы информативно-регулятивной или регулятивно-дискурсивной направленности, дискурсив и диалогический повтор регулятивно-дискурсивной направленности. Выявленные синкретичные единицы относятся к разным звеньям шкалы переходности (пространствам наложения зон речевой коммуникации), демонстрируют дискретно-континуальную природу языка-речи. Диффузность границ зон определяет и диффузность функций данных единиц. Переходные образования в любом сегменте языковой системы очень значимы для лингвиста, поскольку, по выражению А.М. Пешковского, “всё дело в этих почти и как бы, на которых зиждется вся грамматика” [Пешковский 1938: 132].

Основные антиномии “говорящий – слушающий”, “экономия – избыточность” разрешаются в устной речи благодаря клишированности, конвенционализированности большого числа единиц. Поскольку в стандарте заинтересованы как говорящий, так и слушающий, естественно расширение общественного диапазона функционирования клишированных и конвенционализированных единиц: универсальная многофункциональная типичная предикативная единица всё чаще “уступает место” специализированной маркированной речевой единице – коммуникативу.

Процесс формирования коммуникативов продолжается. На пути “коммуникативизации” и “дискурсивизации” отмечаются единицы с разной степенью утраты номинативного содержания и свернутости структуры. Как правило, самые широко употребительные единицы характеризуются большой степенью десемантизации и свернутости структуры, что согласуется с выводом А. Мартине о том, что если форма употребляется часто, то возможна свернутая структура, а если редко – только эксплицитная. В связи с ускорением темпа жизни наблюдается активизация коммуникативных процессов: 1) функциональная конвенциализация типичных предикативных единиц, приводящая к угасанию в них информативной функции, 2) формирование коммуникативов как собственно речевого, так и языкового уровней. Названные процессы так и хочется обозначить емкой формулой В.Г. Костомарова – “*Наш язык в действии*”.

Перспективы нашей работы мы связываем с изучением функционирования речевых единиц в других типах дискурсов устной речи. Можно предположить, например, что в деловой речи будут доминировать единицы коммуникативно-номинативного ареала, а удельный вес и индекс разнообразия коммуникативных регуляторов и прагматических операторов будет значительно снижен.

Представляются перспективными наблюдения за реализациями речевых единиц в письменной форме речи, например, в газетном дискурсе⁵, Интернет-дискурсе, печатной рекламе и т.д. Такие наблюдения в художественной речи могут способствовать выявлению идиостиля писателя.

Безусловно, автор далек от мысли, что изучение объекта исчерпано. Смеем надеяться, что проведенное исследование, в задачу которого входила новая типология речевых единиц (детализация существующей классификации), послужит опознаванию “неопознанных синтаксических объектов”. Представляется, что наличие общей картины, фрагменты которой детализированы нами с разной степенью точности, позволит в дальнейшем углублять и уточнять как “общий вид”, так и его конкретные детали. Предпринятый нами двусторонний парадигматико-синтагматический подход к изучению речевых единиц приводит к выводу о продуктивности его применения для изучения континуума коммуникации, поскольку позволяет выявить закономерности функционирования языковой системы в разных речевых сферах, а также осознать “гибкую стабильность” (В. Матезиус) двусущностного единства язык–речь, динамичность полевой структуры зон коммуникации.

---

⁵ Некоторые наблюдения и предварительные выводы относительно реализации речевых единиц в письменной форме речи содержатся в нашей статье “Специфические конструктивно-синтаксические единицы устной речи в тексте современной газеты” (Текст. Структура и семантика. М., 2003. С. 217–226).

Условные сокращения речевых единиц

Д	– дискурсив
ДПд	– диалогический повтор дискурсивной направленности
ДПр	– диалогический повтор регулятивной направленности
ДПрд	– диалогический повтор регулятивно-дискурсивной направленности
Дрд	– дискурсив регулятивно-дискурсивной направленности
Кг	– гибридный коммуникатив
Кп	– коммуникатив с формальной предикативностью
Кс	– собственно коммуникатив
СМПЕ	– структурно модифицированная предикативная единица
СМПЕир	– структурно модифицированная предикативная единица информативно-регулятивной направленности
ТПЕ	– типичная предикативная единица
ТПЕд	– типичная предикативная единица дискурсивной направленности
ТПЕрд	– типичная предикативная единица регулятивно-дискурсивной направленности
ТПЕир	– типичная предикативная единица информативно-регулятивной направленности
ТПЕр	– типичная предикативная единица регулятивной направленности

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

1. *Андреева С.В.* Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Монография. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – 192 с. (12 п.л.).
2. *Андреева С.В.* Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи // Вопросы языкознания, 2004. – №5. – С. 32–45.
3. *Андреева С.В.* Фатика в радиоэфире (К вопросу об употреблении синтаксических единиц разного типа) // Филологические науки, 2002. – №6. – С. 47–58.
4. *Андреева С.В., Кагдина Т.А.* Явления нетипичности и синкретичности второстепенных членов предложения // Русский язык в школе, 2003. – №5. – С. 28–33.
5. *Андреева С.В.* Взаимодействие сегментных и суперсегментных средств в речевом потоке при осуществлении запроса информации. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН № 52891 от 07.08.97. 21 с.
6. *Андреева С.В.* Функционирование разноуровневых единиц при осуществлении прагматической цели запроса информации // Единицы языка и их функционирование. / Саратов. гос. академия права. – Саратов, 1997. – Вып. 3. – С. 3–10.
7. *Андреева С.В.* Вопросительные высказывания в языке и речи // Слово в системе школьного и вузовского образования. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. – С. 17–21.
8. *Андреева С.В.* Структурно-семантические трансформации языковых единиц в речевом потоке // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. – М.: Изд-во Моск. гос. открытого пед. ун-та, 1998. – Т. II. – С. 199–202.
9. *Андреева С.В.* Трансформация вопросительных высказываний в речевом общении // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – Вып. 27. – С. 94–110.
10. *Андреева С.В.* Коммуникативные единицы спонтанной речи // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та. Материалы междунар. конф. памяти В.С. Юрченко, 2000. – С. 227–232 (см.: Обзор “Ме-

ждународная научная конференция “Предложение и слово” // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 120).

11. *Андреева С.В.* Черты разговорного синтаксиса в зеркале печатной рекламы // Речь. Речевая деятельность. Текст. Межвуз. сб. науч. трудов. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2000. – С. 6–11.

12. *Андреева С.В.* Аспекты исследования коммуникативных единиц текста // Текст. Структура и семантика. Доклады VIII Междун. конф. – М.: Изд-во Моск. гос. открытого пед. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 217–224.

13. *Андреева С.В.* Синкретичные коммуникативные единицы русской речи // Единицы языка: функционально-коммуникативный аспект. Материалы межвуз. науч. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – Ч. 2. – С. 56–62.

14. *Андреева С.В.* Типы коммуникативных знаков // Речевая деятельность. Текст. Межвуз. сб. науч. трудов. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2002. – С. 7–12.

15. *Андреева С.В.* Лингвофилософские триады В.С. Юрченко и исследование коммуникативных единиц речи // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Материалы Международной конф. памяти В.С. Юрченко. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2002. – С. 15–23 (см.: Обзор “Международная конференция “Предложение и слово” // Филологические науки. – 2003. – №1. – С. 116; SIAVIA ORIENTALIS. Krakov, 2003. Т. LII №4. S. 623).

16. *Андреева С.В.* Раздел “Синтаксис слова” в курсе “Современный русский язык” // Технология обучения и творческий потенциал учителя. Сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – Вып. 3. – С. 110–118.

17. *Андреева С.В.* Предложение – высказывание – коммуникативная единица // Труды Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 2. Филология. Лингвистика. – С. 116–126.

18. *Андреева С.В.* Элементарные конструктивно-синтаксические единицы в обучении русскому языку // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса МАПРЯЛ. –СПб, 2003. – С. 214–223.

19. *Андреева С.В.* Специфические конструктивно-синтаксические единицы устной речи в тексте современной газеты // Текст. Структура и семантика. Доклады Международной конференции. – М.: Изд-во Моск. гос. открытого пед. ун-та, 2003. – С. 217–226.

20. *Андреева С.В.* Функционирование моделей предикативных единиц в современной русской речи // Русский язык в контексте реформирования российского общества. Межвуз. сб. науч. трудов. – М.: Изд-во Российского гос. торгово-эконом. ун-та, 2003. – С. 6–9.

21. *Андреева С.В.* Принципы классификации конструктивно-синтаксических единиц устной речи // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 235–244.

22. *Андреева С.В., Фокина М.В.* Субъект и предикат в одноставных глагольных предложениях (на материале поэзии М. Цветаевой и Б. Пастернака) // Русский язык и славистика в наши дни. Материалы Междун. науч. конф. – М.: Изд-во Моск. гос. областного ун-та, 2004. – С. 11–18 (см.: Обзор “Международная научная конференция “Русский язык и славистика в наши дни”, посвященная 85-летию со дня рождения Н.А. Кондрашова” // SIAVIA ORIENTALIS. – Krakov, 2005. Т. LIV №2. S. 336).

23. *Андреева С.В.* Структурно-семантическая организация речевой коммуникации (на материале синтаксиса устной речи) // Речь. Речевая деятельность. Текст. Межвуз. сб. науч. трудов. – Таганрог: Изд-во Таганрогского ин-та, 2004. – С. 7–12.

24. *Андреева С.В.* Дискурсивный повтор как фактор интерактивного взаимодействия собеседников // Wschyd-Zachyd. Dialog językuw i kultur w kontekście globalizacji. – Słupsk: Wydawnictwo Pomorskiej Akademii Pedagogicznej, 2004. С. 185–189.

25. *Андреева С.В., Фокина М.В.* Предикация и предикативность в поэтических текстах М. Цветаевой // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 170–182.

26. *Андреева С.В., Плотникова А.В.* Дискурсивный повтор в системе средств устной коммуникации // Русский язык и славистика в наши дни. Материалы Междун. науч. конф. – М.: Изд-во Моск. гос. областного ун-та, 2004. – С. 352–358 (см.: Обзор “Международная научная конференция “Русский язык и славистика в наши дни”, посвященная 85-летию со дня рождения Н.А. Кондрашова” // SIAVIA ORIENTALIS. – Krakov, 2005. Т. LIV №2. S. 337).

27. *Андреева С.В.* “Докоммуникативные” знаки и их место в системе средств устной коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 140–149.

28. *Андреева С.В.* Депонированный отчет в ВНТИцентре по НИР “Соотношение типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, в отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении” (раздел 7). Инв. №02 2005 01911, утвержден 29.03.2005.

29. *Андреева С.В.* К проблеме разграничения языковых и речевых синтаксических единиц // Вопросы русского языкознания. Традиции и современность в современной синтаксической науке: По материалам I Международного конгресса исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – Вып. 12. – С. 31–35.

30. *Андреева С.В.* Прагматическая интерпретация высказывания // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе. Материалы третьей Всероссийской школы молодых лингвистов. – М.; Пенза, 1999. – С. 94–96.

31. *Андреева С.В.* Трансформация инвариантной языковой структуры в спонтанной речи // Филология на рубеже тысячелетий. Материалы Международной науч. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2000. – Вып. 2. – С. 3–5.

32. *Андреева С.В.* К проблеме разграничения языковых и речевых синтаксических единиц // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 200.

33. *Андреева С.В.* Об одной тенденции в современной речевой коммуникации (подчеркивание неофициальности, усиление контакта с аудиторией) // Материалы второй Международной конф. “Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты”. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ин-та управления, бизнеса и права, 2004. – С. 138.

34. *Андреева С.В.* Конструктивно-синтаксические единицы речевого общения // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 296–297 (см.: Обзор “II Международный конгресс исследователей русского языка” // Русистика. – Киев, 2004. Вып. 4. С. 79).

АНДРЕЕВА Светлана Владимировна

**Элементарные конструктивно-синтаксические
единицы устной речи и их коммуникативный потенциал**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 17.11.05.
Формат 60×84 1/16. Объем 3,25 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 219.

Типография Издательства Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.

